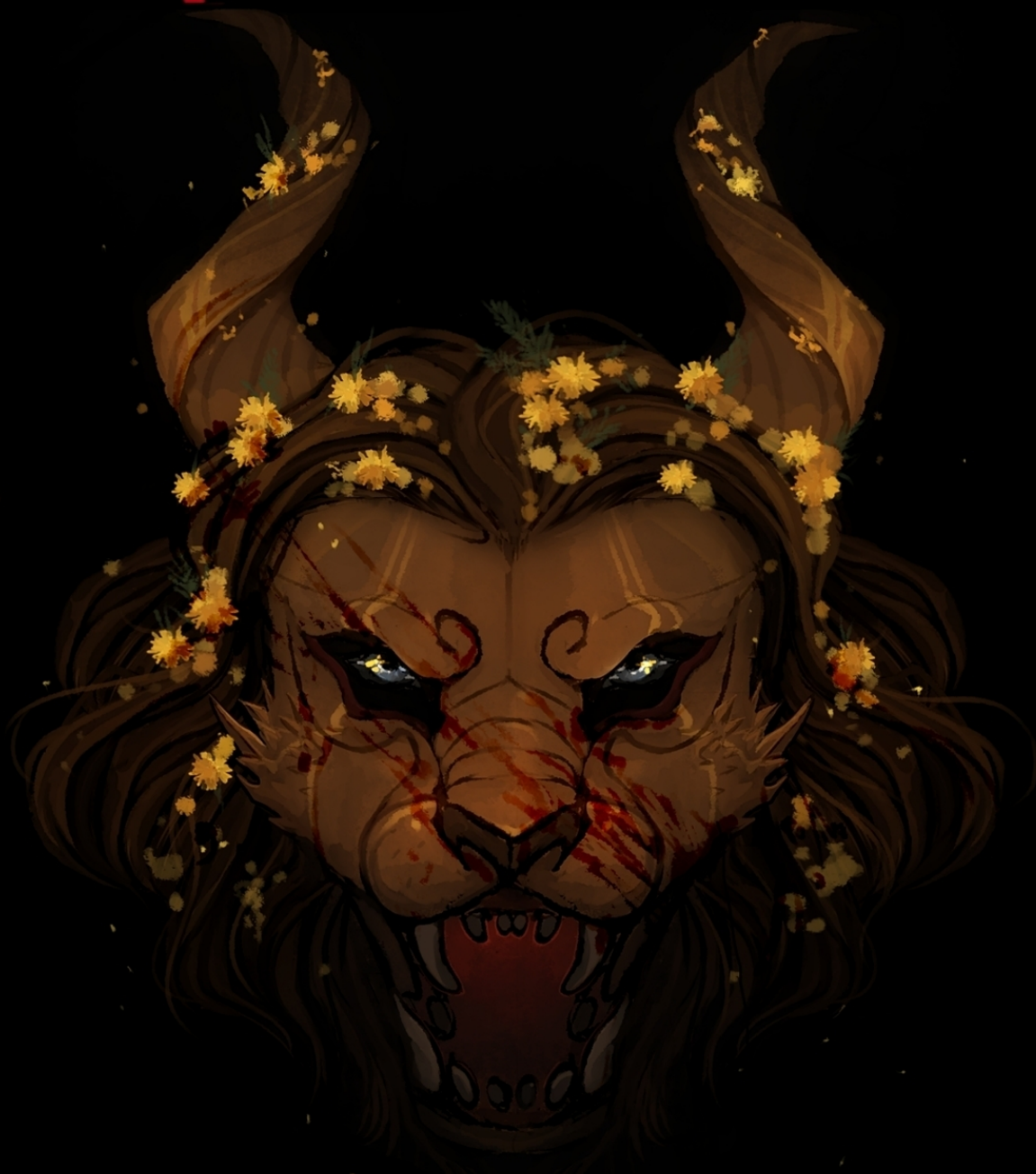

Кира Миронова · Евгения Ткаченко

СТРИГАТИ: ЛИК ЗВЕРЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кира Миронова
Стригатти: Лик Зверя

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Миронова К.

Стригатти: Лик Зверя / К. Миронова — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

ISBN 978-5-532-05326-7

Нью-Йорк потрясает серия невероятно жестоких убийств молодых женщин. Детективу Маргарите Стригатти, лишь недавно вернувшейся из Вашингтона, поручают расследование этого громкого дела. Любой ценой она обязана сорвать маску со Зверя и вывести на чистую воду, чтобы все увидели его истинный лик. Однако вскоре становится ясно, что все гораздо запутаннее, чем представлялось вначале, а убийца оказывается настолько хитер и беспринципен, что детектив сама не замечает, как становится пешкой в его кровавой игре...Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-05326-7

© Миронова К., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Пролог	6
1	6
1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Кира Миронова, Евгения Ткаченко

Стригатти: Лик Зверя

*Посвящается Наталье, Ивану и Игорю – нашим вечным источникам вдохновения.
Огромная благодарность и низкий поклон нашей первой читательнице Еве фон
Аренберг за консультации и терпение.*

Пролог

1

Апрель. 1953 год.

Отчаянье берет за горло. Не дает дышать. Душит. От него есть лишь одно спасение, и она шаг за шагом идет к нему. Медленно. Не обращая ни на что внимания, сжимая в руках сладко пахнувший букет мимоз. И с каждым шагом все сильнее крепнет ее решимость.

Мимо несутся автомобили, и она невольно вглядывается в лица водителей, словно надеясь увидеть среди них *Ego*. Как будто это может хоть что-то изменить. Разумеется, *Он* ее не остановит, не спасет. Не стоит и надеяться.

Надежда – глупое слово. Ему не место на Бруклинском мосту.

– Ты что творишь, дура?! – из тормозящих перед ней автомобилей сыплются ругательства и грубые, настойчивые рекомендации сойти с проезжей части, но молодая женщина этого не слышит, крепче сжимая в руках цветы и подарок – жестокую, бездушную насмешку, всученную на прощание.

Медленно перейдя проезжую часть, она подходит к ограждению и зажимает желтый букетик между страниц, чтобы освободить руку.

Зеркальная гладь темных вод гипнотизирует и пугает. Женщина слышит этот страшный зов пустоты ясно и четко как никогда. Что-то внутри неё надломилось и продолжает ломаться все сильнее.

Скоро всему придет конец. Ещё немного. Уж решимости ей точно хватит. Она больше не повторит ошибок, как *Он* и советовал.

«Интересно, когда... если *Он* узнает, то раскается ли хоть немного в своем поступке?»

Хотя, конечно, вряд ли.

Поджав губы, женщина скидывает черный плащ и остается лишь в тонком белом платье. Она перебирается через ограждение и судорожно сжимает стальную перекладину, ещё не решаясь сделать последний шаг в бездну.

Одной рукой прижимая к груди букет и книгу, а пальцами второй цепляясь за сталь, она замирает на самом краю, зябко ёжась от прикосновения холодного весеннего ветра. Тело бьет крупная дрожь.

– Прости меня. Ради Бога, прости... – шепчет она тихо, и ветер подхватывает ее слова, унося их куда-то вдаль.

Сзади кто-то кричит громогласно и отчаянно:

– Ники!

Женщина порывисто поворачивается и видит, как по проезжей части к ней бежит дорогой ее сердцу мужчина, но он не тот, кого бы она хотела сейчас здесь увидеть, не тот, кто смог бы ее остановить. Глаза начинают щипать непрошенные, совершенно ненужные слезы.

– Прости!.. – шепчет она, дрожащими губами. – Прости меня!

Он мчится к ней так быстро, что складывается впечатление, что он может обогнать даже ветер, с каждым мгновением становясь все ближе.

Нужно прыгать сейчас, пока он не добежал, не остановил, не втащил ее назад, в безопасность и не закутал в удушающее чувство вины.

Она делает шаг в пустоту лишь за мгновение до того, как он успел бы схватить ее за руку, но его пальцы ловят лишь книгу, которую ей не удалось удержать в руке.

Несколько мгновений она летит навстречу темной водной глади, и последнее, что слышит перед сильным ударом о воду, который сломает ее позвоночник – громкий, отчаянный крик:

– Вероника!

2

Февраль. 1954 год.

Вебер невыносимо скучает. Он вполне искренне недолюбливает театры, полагая, что время можно провести куда с большим толком. Тем более, театром он и так сыт на работе, но все же исправно посещает представления пару раз в месяц. Светская жизнь налагает на него целый ряд скучных, неинтересных обязанностей. Впрочем, дело не только в этих пресловутых обязанностях. Герр Вебер любит «поохотиться» именно в театрах и на светских мероприятиях, где внешний вид публики способствует этому как нельзя более кстати.

Медленно, даже лениво скользя взглядом по знакомым и незнакомым лицам, Вебер то там, то здесь подмечает симпатичные мордашки и будоражащие кровь фигуры, прикрытые соблазнительными модными платьями. Все как всегда.

Где-то справа, недалеко от дверей, ведущих в партер, собралась какая-то абсолютно невообразимая толпа людей – но стоит присмотреться, и можно увидеть причину давки – на премьеру новой постановки пожаловала никто иная, как Патрисия Миллиган. Не узнать женщину, чьи большие оленьи голубые глаза смотрят на тебя со всех обложек модных журналов, и которая вот уже на протяжении пары лет светится в каждой второй киноленте, довольно сложно.

«И все же на лицо простовата...» – заключает мужчина мысленно, наблюдая, как причина тотального обесцвечивания волос женской части населения США в платье цвета шампань – в тон ее длинных платиново-белых волос – одаривает поклонников томными улыбками.

Хмыкнув себе под нос, Вебер поворачивается в другую сторону, продолжив сканировать зал.

И словно в противовес ангелоподобной кинодиве и исходящему от нее свету, там сгустился мрак. Густая, беспроглядная тьма, принявшая образ хрупкой темноволосой женщины в каком-то совершенно немыслимом черном платье. Затеяливый вырез полностью оголяет ее молочно-белые плечи, а платье удерживается на теле при помощи не иначе как темных магических сил – иных способов объяснить, как оно не спадает, обнажая хозяйку, невозможно. Вместе с тем, чем дольше глаз наблюдает за дразнящей игрой этой чёрной ткани, тем острее ощущается какое-то абсолютно неумемное желание сорвать это чертово платье, разметав бархатные пуговицы по полу...

Незнакомка – Вебер готов побожиться, что раньше ее не видел – стоит, прислонившись к колонне, и с веселым любопытством разглядывает толпу мужчин, кружащихся вокруг Патрисии. Любая другая на ее месте, несомненно, завелась бы от обычной женской зависти, а эта вот забавляется.

Такой экземпляр никак нельзя упустить – она обещает стать весьма интересным трофеем в его коллекции.

Раздобыв два бокала шампанского, Вебер подходит со спины к намеченной жертве.

– Дьявольски прекрасная женщина! – тихо произносит он и, едва удостоившись насмешливого взгляда незнакомки, продолжает. – Я не о Миллиган. О вас, королева.

Молодая женщина, слегка приподняв брови, чуть поворачивает лицо в его сторону, пытается подавить улыбку.

– Джентльмены предпочитают блондинок, – звучит ее голос, грудной и тихий. Вебер безошибочно угадывает чуть заметный итальянский акцент, но мысленно заключает, что южная кровь сильно разбавлена – слишком уж нетипично выглядит ее лицо, слишком чужда югу эта молочно-белая тонкая кожа.

Женщина принимает из его рук бокал и абсолютно беззастенчиво ведет по краю кончиком указательного пальца.

– Можете считать, что я не джентльмен, – усмехается он, наблюдая за ее действиями, – и тем не менее, уверяю, яда там нет.

Она хмыкает, поджав обведенные вишневой помадой губы, делает небольшой глоток и вновь устремляет задумчивый взгляд куда-то в толпу. Вебер рассматривает мелкие, тонкие черты ее лица, демонстрирующие не миловидную сексуальность, но «породу» и эстетику строгих линий.

– Вам не нравится образ наивной дуручки, который она умело демонстрирует? – интересуется незнакомка, улыбаясь, а Вебер все пытается поймать ее ускользающий взгляд.

– Лично я всегда предпочитал умных женщин, – искривив тонкие губы в усмешке, в тон ей отвечает Вебер и добавляет: – Как вы.

– С чего вы решили, что я умна? – хмыкает незнакомка.

– Хотя бы с того, что вы не следуете этой ужасной повальной моде и не подражаете ей, – Вебер едва заметным движением указывает на сияющую актрису. – Но неужели вы скажете, что я не прав?

– Я не раз слышала, как мужчины говорят, что все женщины – дуры.

– Проецирование своих недостатков на окружающих и не более того, – отвечает он, прежде чем сделать глоток шампанского.

– Оу, – незнакомка поворачивается к нему лицом, и мужчина, наконец, имеет возможность заглянуть ей в глаза – темные, словно обжаренные кофейные зерна. Женщина демонстративно прикладывает пальцы к подбородку, изображая задумчивость. – Так вот оно что. Значит, вы сейчас проецируете на меня свой недостаток? Или просто очень сильно хотите сделать из меня дуру?

Стоя под ее пронизательным взглядом, Вебер чувствует, как улыбка сползает с его каменюющего лица и набухает небольшая венка на правом виске. Уголок губ незнакомки на секунду поднимается в усмешке.

– Неужели дамы так активно ведутся на ваши пошлые комплименты? – и, не дожидаясь ответа на вопрос, продолжает: – Спасибо за шампанское. Прекрасное. В отличие от Ваших намерений. А теперь извините, меня ждет муж.

– И вправду умная... – зло шепчет Вебер, глядя в удаляющуюся спину незнакомки. Нехорошая улыбка искажает тонкие губы, придавая его внешности нечто злое.

От бессильной ярости он сжимает бокал с шампанским так сильно, что тонкое стекло не выдерживает напора и, треснув, рассыпается, но Вебер, кажется, вовсе не замечает этого не в силах отвести взгляда от женщины в черном. Еще никто и никогда не смел так с ним поступать. Он не знал отказов – женщины свободные и замужние исправно велись если не на его комплименты, то на деньги и статус. Это он выбирал. Это он оставлял неугодных, приевшихся женщин. Он. И никто из них не смел так с ним поступить – бросить, уйти, оставляя последнее слово за собой.

– Боже!.. У вас кровь, – раздается женский голос справа, заставляя отвести взгляд от скрывающейся в толпе невысокой женщины. Вебер опускает взгляд и видит, как по испещренной рубцами ладони алой ленточкой бежит тонкая струйка крови. Боли он не ощущает – ее все еще перекрывает чувство досады от того, что рыбка сорвалась с крючка.

Мужчина поворачивает голову, встречаясь с испуганным взглядом больших светло-оливковых глаз. Высокая – она ниже его не больше, чем на полголовы – темноволосая женщина в фиолетовом платье. С куда более роскошными формами, чем у предыдущей. И смотрит она на него так, будто он потерял на войне руку – не меньше.

– Ерунда, – отзывается Вебер, переключаясь на новую добычу. Нахмурившись, женщина достает из сумочки платок и тянется к поврежденной руке.

– Как же вы так? – продолжает заботливая красавица. Взяв Вебера за поврежденную руку, она переворачивает ее ладонью вверх собираясь как-то зажать порез, да так и замирает,

тарашась на побелевшие от времени шрамы и рубцы, пересекающие широкую ладонь, будто перечеркивая все линии судьбы.

Вебер недовольно морщится. Ну вот опять. Женщины исправно бледнеют и пугаются, видя этот след его далёкой, призрачной слабости.

– Не стоит волноваться о таких пустяках, фройлен... – намерено обратившись к ней на немецкий манер, низким голосом отвечает Вебер и осторожно высвобождает ладонь из ее рук.

– Кларк, – вздыхает женщина, подняв взгляд, и обольстительно улыбается. – Но зовите меня Энн и, пожалуйста, возьмите платок.

– Спасибо, Энн, – приняв кусок батиста, Вебер берет здоровый рукой холенную руку женщины, и не разрывая зрительного контакта, целует. – Ну, а я – Вебер. Знаете, я хотел бы отблагодарить вас за заботу...

– Уже вернулась? – Грегори чуть поворачивается в ее сторону, когда Марго садится в соседнее кресло рядом с ним. Она кладёт клатч на колени, устало вздохнув.

– Так и не покурила. Там внизу такая страшная давка – Миллиган не дают прохода. Боюсь, если бы вышла из театра, то уже не зашла, – усмехается женщина, качая головой. Неприятного типа с шампанским она предпочитает не упоминать.

– Ну и отлично, – отвечает муж. – Хоть немного меньше дышишь этой гадостью.

– Не начинай, – она закатывает глаза, убирая с лица уложенные для выхода в свет волосы. Очень хочется сбросить туфли – за любимую пару удобных ботинок на плоском ходу она бы сейчас, пожалуй, продала бы и душу.

Звенит второй звонок, и зал начинает понемногу наполняться зрителями. Она окидывает толпу безразличным взглядом, как вдруг взор цепляется за противоположную ложу, а точнее, за обладателя стянутых в короткий хвост пепельного цвета волос, усаживающегося на место в компании какой-то женщины в откровенном платье цвета фиалок.

«Поверить не могу, что женщины ведутся на этого индюка. У него на лице ведь все написано!» – раздраженно думает Марго, кладя руку в раскрытую ладонь мужа. Однако, третий звонок, начинающийся второй акт и нежное скольжение кончиками пальцев по ладони Грегори, заставляют ее выкинуть из головы эти мелочи жизни...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Друзья и враги

1

Апрель. 1955 год.

– ЗВЕРЬ НАНЁС НОВЫЙ УДАР! ИЗ ИСТ-РИВЕР ВЫТАЩИЛИ ЕЩЁ ОДНУ ЖЕРТВУ!

Марго, заинтересованная воплями зазывалы-газетчика, подходит ближе к прилавку, рассматривая первую полосу газеты, на которой красуется фотография отвратительного качества темной фигуры с дикого вида львиной гривой, из которой торчат – ей не показалось – рога.

– ЗВЕРЬ ПОПАЛ В ОБЪЕКТИВ ФОТОГРАФА! СПЕШИТЕ УВИДЕТЬ ЗВЕРЯ! – продолжает горланить газетчик и, надо сказать, не зря – к нему то и дело подходят мужчины и женщины, раскупая свежий выпуск.

Марго лезет в карман, выуживая несколько монет, и тоже берет себе газету. В конце концов, после возвращения в Нью-Йорк прошло не так много времени, и ей не помешает быть в курсе творящихся вокруг дел. Хотя, конечно, современная пресса – не самый надёжный из источников информации.

Она смотрит на часы, прикидывая, сколько у нее времени, и делает вывод, что можно не спешить слишком уж сильно. Марго задумывается о том, не зайти ли в кофейню и не перехватить ли чего перед первым рабочим днём, который обещает быть не простым хотя бы потому, что коллеги ее никогда особо не любили, да и начальство не жаловало. Женщинам не место в полиции, особенно на должности детектива, однако врождённое упрямство сделало свое дело, и Маргарита Стригатти сумела встать в один ряд с мужчинами.

«Черт с ними со всеми! Я заслужила небольшой праздник! Латте, пирожное – и я горы сверну!» – мысленно говорит себе Маргарита, толкая дверь кофейни.

Усевшись за свободный столик возле окна и сделав заказ, женщина разворачивает газету, чтобы подробнее ознакомиться со статьей с первой полосы.

«Да уж наверняка глухой висяк...» – сочувственно думает она, разглядывая фотографию, вполне достойную того, чтобы попасть на рекламный постер какого-нибудь фильма ужасов.

За месяц на счету Зверя уже четыре жертвы, а у полиции улик кот наплакал. Хотя, если верить статье, все же детектив Гастаки, занимающийся этим делом, неделю назад совершил задержание – он арестовал чернокожего любовника жертвы, однако убийства все равно продолжились.

Марго с наслаждением отпивает только что принесённый официантом кофе и от удовольствия даже чуть жмурится, словно кошка. Пожалуй, больше латте она любит только хорошее красное вино.

Нет, конечно, ей жаль детектива – его из-за этого дела пресса живьем съест, но... Ее бы уж точно никто не пожалел.

На второй странице все той же газеты Марго видит уже не столь интересную, но все же забавную статью о том, что паром протаранил одну из пристаней и теперь находится в ремонте там же, так как отбуксировать его не представляется возможным ввиду обширного повреждения.

«Ну и идиотизм!» – она усмехается, отправляя в рот шоколадный эклер.

– Маргарита? Это ты? – раздаётся удивленный голос. Марго, зажав в зубах так и не надкусанное пирожное, вскидывает голову и с удивлением смотрит на высокого темноволосого мужчину в строгом сером костюме.

– Адам? – она вскакивает с кресла, бросив десерт на тарелку и отложив газету, и тепло обнимает старого знакомого. – Не ожидала тебя тут увидеть. Ты к Шефу?

– Да, куда ж ещё, – усмехается мужчина и в уголках карих глаз появляются маленькие морщинки. – У меня отпуск, но Ватсону стало плохо, так что никуда не поехал в этот раз,

столько возни с этими ветеринарами... А ты тут, собственно, что делаешь? Почему ты не в Вашингтоне с мужем?

– Эмм!.. – Марго запинается, ощущая, как портится настроение. О муже говорить не охота. – По работе соскучилась. Вот... сдала экзамены, возвращаюсь на службу. Сегодня первый день.

– Ох, я тебя поздравляю, сыщица. С возвращением, – улыбается мужчина и кричит, обращаясь уже к работнице:

– Дафна, где сэндвичи?

– Пожалуйста, мистер Вайс! – к стойке уже спешит девушка в форме официантки, на ходу заворачивая еду в бумажный пакет.

Адам расплачивается за свой заказ и снова оборачивается к Марго, что-то ища в карманах. Положив пакет на стол, он хватается салфетку и, наконец, найдя ручку, пишет адрес.

– Это очень приличное место с хорошей кухней. Давай встретимся часа в три, пообедаем, ты расскажешь, как у тебя дела, – предлагает Адам, протягивая Маргарите салфетку. – Господи, Марго, мы же тысячу лет не виделись!

– Да, действительно давно, – улыбается Марго, облокотившись о столик, и провожает взглядом уже идущего к двери мужчину.

– Я буду ждать. Не забудь! – говорит он, кивая на салфетку, перед тем как выйти.

Марго, проводив его взглядом, снова садится за столик, чтобы доесть свой почти праздничный завтрак. После встречи с окружным судьей настроение невольно улучшается.

Покончив с пирожным и кофе, Марго, расплатившись, неторопливо выходит из кофейни, но, взглянув на часы, ускоряет шаг. Вот теперь она уже опаздывает.

Участок встречает ее... никак. Все такая же тишина в коридорах, как и раньше, все так же тихо между кабинетами шастают редкие офицеры, стажеры и работники канцелярий. Кто-то говорит на повышенных тонах в комнате для допроса. Марго идет по знакомым коридорам напрямик к Шефу – поздороваться, показаться, что вот она, пришла на службу.

Пришла, хотя ей никто и не рад. Разве что Адам. Жаль, не он будет ее напарником.

За дверью слышатся неясные голоса, но стоит постучать, как все стихает.

– Доброе утро, Шеф Росси! – приветствует Марго, открывая дверь в кабинет начальства.

Кабинет у Шефа небольшой, и каждая поверхность в нем использована по максимуму. Раскрытые папки с документами лежат везде, где только могут, а главный стол завален огромным количеством документации.

– Стригатти, явилась уже, – Шеф отвлекается от разговора с сидящим напротив него посетителем и обращает взгляд на неё.

– В первый день опаздывать нехорошо, – отзывается Марго. Росси ей нравится – он читал им несколько лекций в полицейской академии, и ей уже тогда стало совершенно ясно, что он человек строгий, принципиальный и справедливый.

– Маргарита? – посетитель оборачивается, и женщина узнает в нем своего старого друга еще со времен учебы. Его брови приподнимаются, а губы растягиваются в широкой улыбке, обнажая белоснежные зубы.

– Майло! Вот так встреча! – Марго делает шаг навстречу поднявшемуся из кресла мужчине и тепло обнимает. – Дева Мария, как же давно мы с тобой не виделись!

– Тысячу лет, не меньше! – отзывается друг и коллега, чуть отстраняясь, чтобы разглядеть Стригатти. В его голубых глазах столько тепла, что Маргарита начинает казаться, будто она оказалась у озера в солнечный день. – Ты подросла что ли, гном? – лукаво интересуется Майло.

– Кхм! Я вам не мешаю? – холодно спрашивает Росси, с неким недовольством наблюдая за происходящим.

– Извините, Шеф! – Марго спешно делает шаг назад, отстраняясь от друга, но улыбку подавить она не в силах. – Мы просто не виделись... очень давно.

– Стригатти, если ты будешь кидаться на шею каждому мужчине, с которым давно не виделась, то лучше сразу пиши заявление, – хмуро отвечает Росси, буравя Маргариту строгим взглядом темных глаз. – Мне не нужны сплетни и толки у нас в участке.

– Можно подумать, их без того мало, – тихо замечает Марго, с трудом удержавшись от того, чтобы закатить глаза.

– Ты что-то сказала? – хмурится начальник, сощутив острый взгляд.

– Кхм!.. Сплетен не будет, Шеф! – уже серьезнее отвечает Маргарита, выпрямившись.

– Райтен, ты говоришь вы со Стригатти в хороших отношениях? – Росси переводит взгляд на Майло, успевшего опять сесть в кресло.

– Да, мы дружим ещё с академии, – подтверждает мужчина. Под взглядом Шефа ему, видимо, становится неудобно, и чтобы хоть как-то отвлечься он поправляет свои немного выющиеся светлые волосы. Хоть они и подстрижены довольно коротко, но несколько прядей на его голове постоянно топорщатся.

– Прекрасно. Значит, вы сумеете сработаться, – заключает Росси.

– Для меня уже есть работа? – загорается Маргарита. Руки так и чешутся поскорее вновь окунуться в расследования. Слишком долго она сидела без дела.

– Да, есть у нас тут один висяк. Делом занимался Гастаки, – Марго чувствует, как ее тело напрягается.

«Гастаки, Гастаки, где-то я слышала эту фамилию...» – размышляет она, не отводя взгляда от мужчин.

– У него обнаружили рак третьей стадии, он уходит. У него сейчас, кхм, – Росси удобнее садится в своем кресле. – Не то состояние, чтобы заниматься работой. Он предаст тебе материалы дела. Майло с ним работал, они введут тебя в курс дела.

– Шеф, вы уверены? – удивленно спрашивает Майло и даже подаётся вперёд.

– Ты сомневаешься в Стригатти? – интересуется Росси.

– Нет, просто это дело... – Майло мнетя, стараясь подобрать подходящее слово, но ничего хорошего на ум не идёт. – Не женское. Журналисты съедят.

– Вот спасибо, Райтен, удружил, – надувается Марго, продолжая стоять. Сесть ей никто так и не предложил.

– Мне плевать, женское оно, мужское, да хоть гермафродитное, – хмурится Шеф, переводя взгляд с Маргариты на Майло и обратно. – Я не дам ей никаких поблажек. Хотела работать – пожалуйста. А теперь дело в зубы и повышать раскрываемость.

– Спасибо, Шеф, – Марго улыбается, хотя и не уверена, стоит ли радоваться. Всё-таки обычно Майло так себя не ведет.

– Как знаете, – вздыхает Райтен. – Я вообще сейчас не имею права голоса.

Марго удивленно смотрит в спину выходящего из кабинета приятеля и уже собирается последовать за ним, как ее останавливает голос Шефа Росси:

– Марго, не жди поблажек за Маленькую Италию. Ты выбрала дважды неподходящую профессию, поэтому спрашивать с тебя я буду в три раза больше.

– А вы когда-то спрашивали меньше? – не то улыбается, не то ухмыляется Маргарита. У Шефа всегда был тяжелый характер, но она привыкла и не обижалась слишком уж сильно. – Гастаки уже на месте?

– Да, он в кабинете. Догонишь Райтена – не придется блуждать по коридорам, – кивает начальник за ее спину. – Можешь идти.

Дважды повторять не приходится. Маргарита спешно выходит в коридор и нос к носу сталкивается с Райтеном.

– Ну и что это значит? – хмурясь, спрашивает она.

– Решил подождать, а то потеряешь, – улыбаясь, говорит Майло.

– Я не про подождать. Не прикидывайся дурачком, – Марго складывает руки на груди.

– Брось, ты ведь знаешь, что я не пытался тебя задеть, – улыбается старый друг. – Я не сомневаюсь в твоей компетентности, Маргарита, и не надо смотреть на меня волком. Я не враг тебе.

– Ну-ну. Не враг. Тогда объясни нормально, – велит молодая женщина и подталкивает его в сторону кабинетов. – Пошли. Показывай дорогу.

– А что тебе объяснять, собственно? – хмурится Майло, ведя ее по коридору. – Дело, мягко говоря, отвратительное. Серийник. Возможно, псих. Надеюсь, ты неплотно завтракала, потому что фотографии там не для слабонервных.

Они дважды заворачивают и подходят к неприметной двери практически в самом конце коридора.

– Не пялся на его голову, – предупреждает Райтен, прежде чем дернуть ручку.

– Черт побери! – выдыхает Марго, заворачивая в кабинет. Кусочки пазла становятся на свои места, и Маргарита ощущает как по спине бежит холодок. Она вспомнила, где видела фамилию Гастаки. – Райтен, только не говори, что Росси мне дело Зверя всучил!

– Сюрприз, – безрадостно отзывается он, кивнув бледному лысому мужчине средних лет. – Ты же хотела работать – пожалуйста, все для тебя.

– Здравствуйте, мистер Гастаки, – приветствует коллегу Марго, проигнорировав колкость друга, хоть у нее и появилось практически непреодолимое желание хорошенько стукнуть Майло по лбу.

– Марио спятил? – переведя взгляд на Майло, устало интересуется детектив Гастаки. – Назначать на дело Зверя женщину? Уму непостижимо!

– Мне бы не отдали это дело, если бы вы с ним справились, – жестко отвечает Марго, прекрасно понимая, что сейчас ведет себя крайне некрасиво, но и терпеть замечания в свой адрес она не намерена. Никто не посмеет вытирать об нее ноги.

Повисает неловкое молчание, разбить которое берется Райтен, подошедший к столу детектива:

– Собственно, вот само дело.

– Это все?.. – растерянно спрашивает Марго, глядя на преступно худую картонную папку, которую протягивает ей Майло. Вероятность, что там есть хоть что-то стоящее, тает на глазах.

– С удовольствием читаю в газетах, как ты с ним справишься, девочка, – раздражённо отвечает Гастаки. – Дело просто дрянь. Не поверишь – рад, что ухожу.

Маргарита открывает папку, которая не может похвастаться ничем, кроме результатов вскрытия трех женщин, их фотографиями и задокументированным опросом подозреваемого чернокожего мужчины.

– А где... – Марго тычет пальцем в дело. – Где свидетели? Вы хотите сказать, что по трем трупам не нашлось ни одного свидетеля? – она выдергивает фото. – Господи, он реально имеет отношение к делу или его просто выдернули из цветного квартала?

– Он любовник той учительницы. Как ее?.. – задумавшись, Гастаки чешет лысину. – Все вылетает из головы. Про нее еще в газете писали, – жалуется детектив, но Марго его почти не слушает. Она, не веря своим глазам, смотрит на фотографию одной из жертв.

«Черт бы все это побрал! Роза!» – молнией проносится в мозгу Маргариты, когда женщина буквально падает на стул.

– Марго, что с тобой? – участливый Райтен тут же оказывается рядом.

– Ничего, – несколько быстрее и громче, чем требуется, отвечает она. – Смотреть тяжело, – ложь, но необходимая – Марго не готова сейчас объяснять, откуда знает одну из убитых.

– Марио рехнулся, – повторяет Гастаки, тяжело вздыхая. – Ты в морге в обморок не упади. А лучше пойди сейчас к Росси, пусть кого-то подходящего назначит.

Марго стискивает зубы – очень уж хочется возразить, но сейчас необходимо поизобразить хрупкую слабую женщину ещё немного. Вместо ответа она скашивает глаза на материалы, лежащие в папке, рассматривая фотографии жертв.

Жертвы все как на подбор – брюнетки лет тридцати в белых рубашках, а в волосах что-то желтое. Марго подносит фотокарточку к самым глазам, приглядываясь. Нет, ей не показалось. В волосы жертв вплетены цветы.

– Мимозы, – с удивлением шепчет Марго.

– И ведь находит же брюнеток – добавляет Майло, разглядывая фотокарточки из-за плеча Стригатти. – Сейчас большинство предпочитает блонд, темненьких на улицах не так уж много.

Марго поднимает со стола бумаги и приближает к лицу.

– Всех трёх утопили, и все в этом месяце? – она хмурится. – Ох, Боже милостивый, – она чувствует дурноту, когда взгляд падает на символы, вырезанные на животе каждой жертвы.

– Да, каждую с разницей почти в неделю, – отзывается Гастаки. – Первую жертву нашли утром первого апреля.

– Да уж, неприятно, – соглашается Майло, глянув на снимок, который разглядывала Марго. – У всех жертв на животах вырезан этот странный рисунок – нечто, отдаленно напоминающее римскую двойку в круге. – Я связывался со специалистами, никто прежде не сталкивался с таким. Так что вряд ли это религиозный фанатик.

– Ещё похоже на гороскопическое обозначение близнецов, – отмечает Маргарита и быстро проверяет данные о женщинах. – Но это точно не знаки жертв. Возможно, убийцы, но тоже не факт. Бред какой-то... А одежда? Убийца скупил кучу безразмерных мужских рубашек? Между жертвами есть какая-то связь?

– Связи нет. Они не общались. Общих знакомых нет, – отвечает Гастаки. – Ничего общего.

– На первый взгляд ничего нет, – поправляет его Майло. – Но что-то должно быть. Таких совпадений не бывает. Скорее всего, мы что-то проглядели.

– Так, а что с тем подозреваемым? Его выпустили из-под ареста, я надеюсь? – интересуется Марго, бросив хмурый взгляд на детектива.

– Нет, конечно! Сидит! – с негодованием отвечает Гастаки и подаётся вперёд. – Если его выпустить, то пресса сожрёт. Трупы есть – подозреваемого нет!

– Гастаки, Вы вообще в своём уме?! – возмущается женщина. – Если он был под арестом во время нового убийства – это алиби! Пресса-пресса, а совесть Вас не жрет, что он за решеткой?

– Марго, легче, не кипятись, – Райтен успокаивающе кладёт руку ей на плечо. – Гастаки передаст нам дело, направим распоряжение, и его выпустят.

– А нечего ему было спать с той учительницей! Как будто этим своих мало! – возмущается детектив, поднявшись со своего места. Он нервно прохаживается по кабинету, то и дело поглядывая на Маргариту. – Доживёшь до моего – сама поймёшь. Лучше хоть какой-то подозреваемый, чем их полное отсутствие.

– Ваш расизм здесь не к месту, – замечает Марго, положив ногу на ногу. – У нас свободная страна, и это было их личное дело, а никак не Ваше, надо заметить.

«Идиот, – устало думает Маргарита. – Потому дело и глухое, что в твои руки попало...»

– Разумеется! Не наше! – иронизирует Гастаки, останавливаясь напротив молодой женщины. – Может, тогда и Зверя не надо искать? Свободная страна же.

Марго удерживается от ответа, хотя сказать детективу хочется много всего.

– У Вас все? Или мне нужно знать ещё что-то? – ледяным тоном цедит она.

– Фото Зверя видели? – спрашивает Гастаки.

Марго демонстрирует недавно купленную газету, которую держит в руках.

– Обычная маска, не более того. Судя по тому, в какой руке у него нож, – она тычет пальцем в фото. – Скорее всего, левша. Возможно, амбидекстр. Плохо, что ничего не ясно с ростом. Специалисты уже смотрели фото? И что с фотографом?

– А что специалисты? – Гастаки разводит руками. – Качество кошмарное. Я бы этому фотографу руки оторвал. Мало того, что руки из задницы растут и снимать нормально не умеет, то ещё и фото газетчикам продал вместо того, чтобы в полицию принести.

– Фотографа установить не удалось. Я звонил в редакцию, но журналисты молчат, – поясняет Майло. – По-настоящему плохо только одно – он снимал, а не пытался помочь. Если так пойдет и дальше, то страшно подумать, что будет с людьми в будущем.

– Отвратительно, – устало вздыхает Марго. – Похоже, люди и сами превращаются в зверей. Ладно, Майло, у нас много работы. Нужно съездить в морг, посмотреть, что было при жертве, установить круг общения. Допросить возможных свидетелей, родственников. И все это касается в том числе и предыдущих жертв.

– Может быть, сначала допросишь задержанного? – несколько робко спрашивает Майло. – Если решишь, что не виновен – отпустишь. Лишние несколько часов за решеткой – то ещё удовольствие.

– Ты прав, Майло, – кивает Маргарита. – Его давно пора было выпустить, а не держать взаперти. Позвони, пусть его доставят сюда. Я пока получше изучу то, что есть. А вы, мистер Гастаки, – она поднимает взгляд на мужчину. – Можете идти. Если у нас возникнут вопросы, мы Вам позвоним.

– Маленькая, заносчивая... – Гастаки недоговаривает. Он в ярости хватается за свой засаленный пиджак и потертую шляпу и выскакивает в коридор.

– Зря ты так, – вздыхает Майло, присаживаясь на край стола и подтягивая к себе телефон. – Он неплохой малый. Со мной вон усилия объединил, а мог же послать куда подальше.

– Ты мне предлагаешь терпеть подобное отношение, Майло? – интересуется Марго, встретившись с ним взглядом. – У него могут быть какие угодно проблемы, но это не дает ему права говорить со мной таким тоном. Я не собираюсь терпеть подобное высокомерие. Пусть лечится – удачи ему, – сдержанно отвечает она, откинувшись на спинку стула.

– Да ты просто пойми, Гастаки любят. Он может легко настроить против тебя ребят, а я не всегда могу быть рядом. Да и я здесь уже никакого веса не имею, – вздыхает Майло и, поймав удивленный взгляд Марго, поясняет: – Уже больше года я частный детектив. С нами сотрудничают, но не сильно любят.

– Можно подумать, меня без него тут особо любят и ценят, – фыркает Маргарита, глядя, как напарник садится на краешек письменного стола и подтягивает к себе телефон. – Знаю, привычна, и не надо меня защищать, я могу сама за себя постоять... Черт, все настроение испортил. Зараза.

– Керри, ты? – набрав номер, интересуется Майло. – Привет, это Райтен. Меня тут новый детектив просит, чтоб Пирса доставил в допросную. Организуешь? Спасибо, друг, – благодарит он, выслушав ответ, и повесив трубку, смотрит на Марго, улыбаясь. – Ну в бой, детектив Стригатти.

– Дело расследуется полицией, а ты – частный детектив. Тебя нанял кто-то из родственников одной из погибших? – сложив руки на груди, интересуется Маргарита.

– Угадала, – озорно улыбается Майло. – Клиент хочет, чтобы Зверя нашли любым способом, а полиция... Ну ты сама все видела...

Спустя два часа Марго сидит в допросной и внимательно разглядывает темнокожего сутулившегося мужчину, скованного наручниками. Почти рассосавшийся кровоподтек на скуле ей совершенно не нравится.

«Этого ведь можно было избежать, если бы Гастаки включил вовремя голову!»

– Добрый день, мистер Пирс, – приветствует она его, присаживаясь на стул. – Я – детектив Маргарита Стригатти, дело Зверя передали мне, я хочу с вами побеседовать.

– Беседуйте, – безразлично говорит Пирс, устремив пустой взгляд на стол.

Она смотрит на записи, сделанные детективом до нее, и, нахмурившись, откладывает их в сторону.

– Вы всю неделю с момента задержания были под арестом, я правильно понимаю?

– Да, – соглашается Пирс. – Я же виноват. Мэри умерла из-за меня.

– Не могли бы вы пояснить, в чем ваша вина? – интересуется Марго, проверив, идет ли запись разговора.

– Разве не понятно? – лицо мужчины искажает сардоническая гримаса. – Если бы не я... Не наша связь, Мэри была бы жива. Мне следовало держаться от нее подальше. Я ведь знал, нам нельзя. Но Мэри... – не договорив, он подносит скованные руки к глазам и быстро утирает слезы.

– Мистер Пирс, этой ночью нашли еще одну жертву. У вас есть алиби, я подготовлю документы для освобождения вас из-под стражи, вы будете проходить по делу как свидетель. Но мне нужна вся информация о мисс Джонс, какую вы способны предоставить, – Маргарита снова читает данные ранее показания. – Я так понимаю, что произошел какой-то скандал в школе, где она работала. Расскажите, что произошло.

Пирс поднимает голову и недоверчиво смотрит на Марго, словно сомневаюсь, не шутит ли она. Нет, кажется, эта маленькая, хрупкая женщина в мужском костюме говорит абсолютно серьезно.

– Мэри английскую литературу преподавала в частной школе. Она любила свою работу и детей. Жила этим. Мы даже своего хотели завести, – Пирс тяжело вздыхает и сжимает кулаки. – А потом появились фотографии. О нас узнали, и Мэри чуть не уволили. Ее бы сразу убрали, но сверху не разрешили, а потом... потом ее не стало. Я так перед ней виноват!..

– Мистер Пирс, ее убил маньяк. Скорее всего, психически больной человек. Вы в этом не виноваты. Лучше вспомните, не видели ли вы ничего или никого подозрительного незадолго до ее убийства? Хоть что-то? Может она с кем-то виделась? Заводила странные знакомства?

– Да вроде ничего такого. Разве что буквально сразу после того, как наши фотографии разошлись по школе, она пришла домой с букетом. С этими цветами... Как их? – он потер заросший подбородок, вспоминая. – Мимозами. Да, точно. Мимозами. Сказала, что ей на улице подарили. Я ещё ревновал.

Марго замирает, вспоминая фотографии с места преступления. Мимозы. В волосы каждой из жертв были вплетены эти душистые цветы.

– Она не говорила, кто их ей подарил? – интересуется Марго. – Или где именно это произошло?

– На улице. Подошёл какой-то тип и подарил. Я не знаю, детектив, – качает головой мужчина. – Да и разве букет цветов имеет к этому хоть какое-то отношение? Мэри была очень красивой. У нее всегда были поклонники.

– Возможно, что и имеет, мистер Пирс, – вздыхает Марго, поджав губы.

«Все жертвы найдены с мимозами в волосах. Возможно, убийца некоторое время следит за целью, прежде чем ее убить. Я постараюсь выяснить, дарили ли букеты остальным женщинам. Возможно, это тоже зацепка...»

– Припомните, покойная ссорилась с кем-нибудь незадолго до своей смерти?

– Ссорилась? – Пирс вновь горько усмехается и кивает головой. – Со многими. После тех фото... Убил бы того фотографа. Чертов вуайерист-извращенец. На Мэри все руководство школы, все учителя взъелись.

– Но при всем при этом так и не уволили. Что помешало руководству, не знаете? – интересуется Маргарита.

– Учредитель не позволил, – горько улыбается Пирс. – Сказал, что вся эта шумиха – не повод увольнять хорошего учителя.

– Припомните, пожалуйста, мистер Пирс, не говорила ли мисс Джонс о том, что кто-то ей угрожает? Может она получала какие-то послания?

– А как вы сами думаете? – мужчина опускает голову. – После тех фотографий... Подонки как-то узнали адрес. Они завалили Мэри грязными письмами.

– И письма, разумеется, без обратных адресов?

– Был бы там адрес – я бы убил, – тихо произносит Пирс, понимая, что вряд ли его ждёт свобода после такого признания. – Ее потаскухой называли. Понимаете? И это ещё в самых мягких вариациях.

«Несчастливая женщина...» – думает Марго и устало потирает переносицу.

– Я вас поняла, мистер Пирс, – произносит она задумчиво. – Я сегодня же подготовлю документы, чтобы вас освободили из-под стражи, но пообещайте, что не станете делать глупостей, – Марго решается надавить на больное. – Не думаю, что мисс Джонс хотела бы, чтобы вы оказались за решеткой.

– Если я доберусь до этого мерзавца – я его убью, – угрюмо отвечает Пирс. – Спасибо вам детектив. Вы хороший человек. Без предрассудков.

– Пока что не за что, – вздыхает она, вставая со стула и начиная собирать свои вещи. – Пожалуйста, сохраните трезвый ум. Не наделайте ошибок.

– Отыщите того ублюдка, мисс, – мужчина на мгновение берет Маргариту за руку, но тут же отпускает. – Ради всего святого, отыщите.

– Я сделаю для этого все возможное. Ждите слушания, скоро вас освободят, – бросив на Пирса последний ободряющий взгляд, Стригатти покидает комнату для допросов.

– Ну ты даёшь, – выйдя из соседней комнаты, начинает Майло, стараясь идти с Маргаритой в шаг. – Он же потенциальный убийца и даже не скрывает этого.

– Он раздавлен горем. Чего ты хочешь? Чтобы он убийце спасибо сказал? Простил? Можно подумать, ты бы простил подобное, – возражает Марго, крепче ухватив съезжающий из рук диктофон. – Да и ничего он не сделает. Ему не дотянуться до Зверя.

– Такие, как он, опасны для общества, – тихо с укоризной в голосе говорит Майло. – Да и зачем, вот скажи мне, он связался с этой учительницей? Я был в школе, разговаривал с учителями – у нее могло быть прекрасное будущее и карьера, если бы не этот тип.

– У неё могло быть прекрасное будущее, если бы ее не убили, Майло, – отвечает Маргарита. – Это их личная жизнь, она никого не касалась, пока какой-то идиот не разослал их фото.

– Ну не знаю. Я бы не хотел, чтоб моя дочь или сестра, если бы они у меня были, встречались с подобными типами, – отзывается Майло. – Это ты у нас свободомыслящая.

Марго вздыхает. Хочется поспорить еще, но сейчас явно не время для того, чтобы ломать копыя, отстаивая свое мнение.

– Что со школой? Я так понимаю, Гастаки туда не ходил, – сменяет она тему.

– Он не ходил, а я вот заглядывал, – отзывается Майло, обрадовавшийся смене разговора. – Заведение – высший класс. Впрочем, хоть сколько-нибудь ценной информации узнать не удалось.

– Ты записал показания? Все это надо приложить к нашей папке, – напоминает Марго, хмурясь. «И без того непростое дело до этого момента велось просто из рук вон плохо. Гастаки, наверное, и сам не понимает, что играл убийце на руку.» – Есть хоть какие-то записи?

– Дома есть, – отвечает напарник. – Гастаки не в том состоянии, чтоб ему отдавать их. Мало ли – потеряются. Впрочем, ничего стоящего там нет.

– Принеси завтра, я хочу ознакомиться, – просит Маргарита, нащупав в кармане пачку сигарет. Очень хочется покурить. – Нам надо съездить в морг, забрать заключение.

– Привезу, не волнуйся, – вздыхает Майло. – Не люблю я морги. Может, пообедаем сначала?

– Ох, – Марго смотрит на часы, вспоминая, о разговоре с Адамом. – Майло, я утром договорилась пообедать с Вайсом, и если я приду с кем-то, это будет неэтично, – она смотрит на то, как Райтен хмурится все сильнее с каждым ее словом. – Давай так, я вернусь с обеда, и мы посидим, введешь меня в курс дела, расскажешь, что еще успел сделать вместо Гастаки, хорошо?

– Эх. Ладно, – ещё раз тяжело вздыхает Майло. – Вайс так Вайс. Подсуетился негодяй. И когда только успел?

Выйдя из участка, Марго достаёт из кармана клочок салфетки, где написан адрес ресторана, о котором говорил Адам. Сейчас ее греет только мысль о том, чтобы увидеться со старым знакомым и немного поговорить.

– «Мефисто», – бурчит она под нос, сворачивая на соседнюю улицу, где как раз и располагалось место назначенной встречи, – Какой идиот так назвал ресторан?

Смутное, старательно спрятанное за прошедшие годы воспоминание слабо бьется на дне дальнего ящика памяти, который вот-вот норовит открыться, но Стригатти не позволяет этому случиться, заставляя себя сменить направление мыслей. Чтобы хоть немного успокоиться и отвлечься, она достаёт из кармана смятую пачку сигарет и порывистым движением прикуривает щелкнувшей в пальцах зажигалкой.

Через пару домов уже горит алая вывеска со знакомым названием, Марго ускоряет шаг, предвкушая хорошую порцию пасты, и делает большую затяжку, чтобы быстрее скурить сигарету и выбросить бычок.

Ресторан обещает быть шикарным. Даже слишком, хотя ей до этого не доводилось бывать здесь с мужем.

«Так. Стоп. Я не хочу думать сейчас о Грегге. К черту.»

Проходя мимо, Марго с любопытством косится на большие панорамные окна ресторана, но не может разглядеть ничего внутри. Судя по всему, стекла затонированы таким образом, что лишь посетители заведения могут наблюдать за прохожими, а сами остаются незримыми. Маргарита решает, что непременно сядет у окна.

– Простите, в таком виде к нам нельзя.

Марго лишь в последний момент умудряется затормозить и не врезаться в преградившего ей путь ливрейного швейцара.

– Чего? – нахмурившись, Марго с недоумением смотрит на мужчину. Ей даже кажется, что она ослышалась. – Меня ждут.

– В таком виде сюда нельзя, – повторяет швейцар. Маргарита искренне не может понять, что с ней не так, смотрит вниз на идеально вылизанные туфли на шнуровке, выглаженные стрелки брюк, проверяет, не оказалось ли кофейного пятна на блузке. Но нет, все было чисто.

Глубоко вздохнув, она достаёт значок.

– Детектив Стригатти, полиция. Меня ждёт судья Вайс, – Маргарита делает нажим на фамилии друга, зная, что его не могут не знать здесь. Он сам говорил, что часто тут бывает.

Мужчина у входа никак не реагирует, лишь повторяет монотонным голосом:

– Это не забегаловка, а приличное место, и выглядеть здесь нужно соответственно. Все претензии к хозяину, детектив.

Марго чувствует, как быстро улетучивается ее и без того не ангельское терпение.

– Che diavolo¹?!– шипит она. Ее еще никогда так не унижали. Это походит на грандиозную подставу, но все же Марго слабо верит, что добрый и порядочный Адам мог так с ней поступить.

– Арчи, в чем дело? Это ко мне, я же предупреждал, – из ресторана показывается Адам собственной персоной. – Марго, прости, вышла такая глупая заминка. Идём, я осмелился сделать для тебя заказ.

– Очень жаль, господин судья, но правила есть правила, – повторяет ливрейный Арчи. – Все вопросы к хозяину.

– Передайте своему хозяину, он может поцеловать меня в зад! – окончательно выйдя из себя, выпаливает Марго, чувствуя, как от унижения у нее краснеют щеки и шея.

– Поцеловать-то я могу, но разве что по большой и чистой любви, – внезапно раздавшийся над ухом холодный низкий голос, заставляет Маргариту подпрыгнуть на месте и, оборачиваясь, отскочить в сторону. – Вот только к Вам это точно не относится.

Она видит ледяные серо-голубые глаза, плотно сжатые губы и меловой оттенок лица. Смутное воспоминание заставляет раздражение на мгновение смениться удивлением. Она помнит эти наглые глаза.

– Остатки еды для малоимущих выдаются со стороны служебного входа после десяти вечера, – смерив молодую женщину презрительным взглядом, продолжает светловолосый мужчина, воспользовавшись тем, что Марго не нашлась, что ответить. Она шумно втягивает носом воздух, задохнувшись от возмущения.

– Да что Вы себе позволяете?! – Маргарита уже готова вытащить из кобуры пистолет, но Адам вовремя вмешивается, встав между хозяином ресторана и детективом.

– Тихо-тихо, – он расставляет руки между ними, увеличивая расстояние. – Марго, – обращается он к ней, – пожалуйста, успокойся. Я заберу вещи, и мы пойдём в другое место. Я могу оставить тебя на минуту? – Адам пытливо заглядывает ей в глаза.

Сжав зубы, Маргарита едва заметно кивает, застегивая кобуру. Ее не так легко вывести из себя, но этот высокомерный нахал в дорожном костюме умудрился сделать это лишь парой фраз. Отвратительно.

– Вебер, советую быть повежливее, она...

– Иди уже, Вайс, – обрывает судью на полуслове Вебер. Умоляюще глянув на хозяина ресторана, Адам скрывается за дверью, оставив мужчину и женщину практически наедине, если не считать ливрейного Арчи, который после появления начальства вытянулся по струнке, изображая статую.

Марго до такой степени не нравится взгляд серо-голубых глаз, что она складывает руки на груди, закрываясь. Вебер тихо хмыкает, наблюдая за ней.

«Похоже, не узнал, – думает Маргарита с некоторым злорадством. – Ну, ничего, ты у меня ещё попляшешь!»

– Всегда подозревал, что у Вайса странный вкус, – окинув ее пронзительным взглядом, как бы между прочим замечает Вебер. День его сложился не очень хорошо, и ему хочется хоть на ком-то отыграться. – Никогда не видел его с женщинами. Даже начал думать, что он из этих. А тут такое... недоразумение.

– Наши с Адамом дела Вас не касаются никаким боком! – голос Марго звенит от возмущения, словно бокал, по которому постучали столовым прибором. – Впрочем, о манерах вы явно не слышали.

– Забавно слышать упоминания о манерах от женщины, надевшей мужской костюм. Впрочем, похоже, у фараонов и женщины требуются мужеподобные и не шибко отличающиеся красотой. Признайтесь, вы спрятали под брюками кривые ноги?

¹ Che diavolo (ит.) – какого черта

Маргарита хочет послать нахала туда, откуда он уродился, но не успевает этого сделать – выскочивший из ресторана судья хватает ее под руку и уводит в противоположную сторону, коротко кивнув на прощание «длинноному ублюдку», чей высокий рост, по мнению Марго, явно не помешало бы укоротить, переломав ноги.

– Вот сивая скотина, – шипит Маргарита, усаживаясь за столик в куда более простом ресторанчике, где нет ни ливрейного швейцара, ни наглого хозяина. Но настроение у нее все равно безнадежно испорчено.

– Забудь, Марго, – в который уже раз повторяет Адам, мысленно ругая себя, ведь он должен был предвидеть подобное, но привычка сделала свое. – Уверяю тебя, Вебер не так плох, хотя и ведёт себя порой, как...

– Сивая надменная скотина, – заканчивает за него Маргарита.

– Ну, в принципе, да.

– Ладно, – раздраженно произносит Марго, смотря меню. – Хватит уже. Много чести обсуждать этого stronzo².

Адам невольно кривится, слушая, как она ругается.

– Расскажи лучше, как твой первый рабочий день? – он решается отвлечь ее внимание на более насущные вопросы.

– Ох, не спрашивай даже, – выдыхает Маргарита, ткнув в строчку меню официанту. – В общем...

Адам слушает краткий пересказ разговора с Шефом, и то, что ей досталось почти что глухое дело, из задумчивости его выводит упоминание встречи с давним другом юности.

– Ты хочешь сказать, Майло Райтен ввязался в расследование? – хмурясь, переспрашивает Адам. В памяти крутятся что-то очень знакомое. – Знаешь, у тебя с ним много общего. Он тоже не переваривает Вебера. Где-то пару лет назад, точно не скажу, они даже сцепились с ним. Да, неприятная тогда вышла история, – Вайс замолкает, когда замечает подошедшего официанта, перенесшего заказ.

– Ну не то, чтобы прям ввязался, – поправляет Маргарита. – Его наняли как частного детектива. А что случилось?

Адам нахмурившись, задумчиво чешет начавшую покрываться темной щетиной щеку.

– История не очень хорошая, и лучше, если Райтен сам тебе ее расскажет. Не думаю, что мне стоит это делать. В сплетнях нет ничего хорошего. Это недостойно.

Маргарита с трудом заставляет себя взяться за еду. Ее терзает любопытство, но она слишком хорошо знает Вайса – его хоть пытай, ничего не скажет, если уж решил молчать.

– Отвратительный человек этот Вебер. Он мне ещё в опере не понравился...

– Вы виделись? – удивляется Адам, не донеся вилку до рта.

– Да, можно и так сказать. Помнишь, я приезжала с мужем год назад? Мы тогда на Бродвей пошли, и там этот сивый ублюдок попытался со мной флиртовать, но я его отшила, – Маргарита мотает головой, словно пытаясь вытрясти из неё нехорошее воспоминание. – А сегодня этот болван меня даже не узнал, судя по всему.

– Это не удивительно, – по-доброму улыбается Адам. Он собственными глазами видел, как преображалась Марго, надевая платья, которые ей очень шли, и которые она носила крайне редко.

– Тоже считаешь, что я прячу под брюками кривые ноги? – криво усмехается, Марго и отпивает из чашки крепкий кофе.

– Нет. И я прекрасно понимаю, почему ты так одеваешься. Быть равной мужчине тяжело. Но ты справляешься, – Адам светло улыбается. – Так чем я могу тебе помочь в расследовании?

² Stronzo (ит.) – мудака

– Тут можно помочь только выстрелив мне в голову, – сокрушенно качает головой Маргарита, приложив к виску указательный и средний пальцы, изображая пистолет. – После обеда поеду в морг, смотрю труп, о котором сегодня писали в газетах. Попробую найти того, кто сделал фото убийцы. Плохо то, что других свидетелей по факту совершенно нет.

– Я думаю, если ты раскроешь это дело, то заткнешь за пояс всех этих сплетников из участка, – говорит Вайс, поднимая чашку кофе. – Так давай выпьем за твоё будущее повышение, потому что я уверен – ты раскроешь это дело.

– Аминь, – усмехается Марго, чокаясь с ним своей чашечкой. Она закуривает сигарету, и судья жалобно смотрит на струйку сизого дыма:

– Искусительница. Я два месяца не курил.

– Ну, до нашего общего знакомого в искусстве искушения мне явно далеко, – фыркает Маргарита, снова затягиваясь. Мысли отчего-то вновь возвращаются к высокомерному хозяину «Мефисто».

Вайс возводит к небу темные глаза и, взвешивая каждое слово, произносит:

– Марго, я тебе сейчас скажу странную вещь, но ты все же выслушай меня. Да, у Карстена далеко не ангельский характер, он вообще не подарок, и много кого обидел...

– Каждого встречного, я бы сказала... – не удерживается Маргарита.

– Но и у него есть свои причины быть тем, кем он является.

– Пф! Знаешь, Адам, тебе не судьей, адвокатом надо было становиться. Ты так защищаешь всяких...

– Возможно, – примирительно улыбается Вайс. – Но у нашего Дьявола есть прекрасный адвокат, и в моей защите он не нуждается. Я просто прошу тебя, не относись к нему предвзято.

– Хорошо, если ты назовешь мне хоть одну стоящую причину, – провокационно улыбается Марго.

Адам, прищуривает добрые карие глаза, прикидывая что-то, а потом все же говорит:

– Если бы не Вебер, мы бы с тобой сейчас не разговаривали. Вполне вероятно, меня бы и на свете уже не было, – увидев, как у Маргариты удивленно приоткрылся рот и, зная, что сейчас запросту последует еще целый ряд вопросов, Адам жестко это пресекает: – Все, Марго! Я и так уже недавно прокололся и слишком много наговорил кое-кому. Теперь у меня могут быть серьезные неприятности. Больше я не произнесу ни слова.

– И все равно мне не верится, что ты чем-то обязан вот этой вот высокомерной скотине, – Марго отставляет чашку в сторону, наблюдая, как Адам делает глоток воды. – И что эта скотина вообще имеет с тобой что-то общее...

Адам усмехается и, поставив почти опустошенный стакан на стол, выставляет перед собой руки в защитном жесте.

– Прошу, Марго, я действительно не могу сказать больше, потому что это не только мой секрет, а чужие тайны я уношу в могилу. Если разговоришь «высокомерную скотину» – таки ради Бога, даже можешь передать ему, что я не возражаю.

– Да не хочу я с ним разговаривать! Окстись, Вайс! – едва ли не в возмущении повышает голос Маргарита. – Нам с ним не о чем разговаривать, я и видеть-то его не хочу.

– Пути Господни неисповедимы, – глубокомысленно замечает Адам, странно улыбаясь.

– Что ты хочешь этим сказать? – возмущившись еще сильнее прежнего, громко интересуется Маргарита.

– Только то, что сказал, – пожимает плечами Адам. – И, Марго, для человека, который не хочет его видеть и слышать, ты слишком много о нем говоришь.

Маргарита просто задыхается от возмущения не в силах вымолвить ни слова. У нее появляется жгучее желание хорошенько стукнуть Вайса по голове, чтоб не говорил глупостей.

– Твое здоровье, – чокнувшись с ее чашкой, говорит Адам, хитро прищурившись. – Хорошо, что ты вернулась, Марго. Я с самого начала говорил, Грег тебе не пара.

– Я сейчас очень хочу тебя ударить, – выдыхает Маргарита, стараясь взять себя в руки. Напоминание о муже заставляет что-то внутри неприятно сжаться. Она до сих пор не понимает, в какой момент все пошло не так, ведь когда она выходила замуж за сенатора, казалось, что у них все будет хорошо. Однако ее розовые очки медленно, но верно стали сначала трещать, а затем – ломаться. Стёклами во внутрь.

Из-за постоянных командировок они с Греггом почти не виделись. Маргарита ради мужа и их семейного счастья даже оставила любимую работу и ломанулась за ним в Вашингтон, чтобы быть ближе, но и это не спасло положения. Нет, она ни в чем не знала нужды, у неё было абсолютно все... кроме мужа.

Грегори вспоминал о ее существовании лишь тогда, когда ему нужно было выйти в свет. Маргарита и сама не поняла, как оказалась не любимой женой, а статусным аксессуаром.

Через два года, не в силах больше сидеть в четырёх стенах, Марго решила вернуться в Нью-Йорк на работу, всем сердцем надеясь, что, возможно, хотя бы долгая разлука окажет на ее мужа хоть какое-то влияние.

– Адам, я не желаю об этом говорить, – мрачно произносит Маргарита, жалея, что до конца рабочего дня еще далеко и выпить чего-то крепко не получится.

Стоит Марго закрыть дверь своего кабинета, как раздаётся телефонный звонок. Она быстрым шагом подходит к столу и берет трубку.

– Детектив Стригатти.

– Маргарита, это я, – в трубке звучит немного раздражённый голос Райтена. – Морг сегодня отменяется. Я приехал, хотел разузнать, что к чему, чтобы сэкономить нам время, а у них тут дезинфекция. До завтра все закрыто.

– Вот тебе и первый день, – Марго опускается на стул. – Не подумала бы, что в морг бывает закрыт.

– Я думаю, пока есть время, посмотрю ещё раз, каким путём мисс Джонс возвращалась со школы, и где ей могли вручить этот букет. Может, найду цветочную лавку да узнаю там что-нибудь дельное.

– Тебе помочь? – с энтузиазмом спрашивает Марго. Ей совсем не по душе сидеть остаток дня в кабинете и капаться в бумагах.

– Не надо, – она уверена, Майло на том конце провода отмахнулся. – Тут надо ходить пешком, а погода начинает портиться. Промокнешь. Лучше сиди в тепле и знакомься с материалами. К тому же тебе надо подготовить документы для Пирса.

– Ты сегодня ещё вернёшься?

– Сегодня уже вряд ли, у меня есть ещё работа в офисе помимо этого дела, так что увидимся уже завтра, – раздаётся в трубке. – Давай встретимся часов в десять у морга. Запиши адрес, – Марго находит ручку и быстро записывает название улицы и номер дома.

– Не забудь принести показания, – напоминает Маргарита, откладывая листок. – И удачи тебе. Я жду хороших новостей.

2

Грегори на звонки не отвечал. Ни накануне вечером, ни утром, когда Маргарита решила позвонить ему на работу.

– Сенатор Уайт на совещании, – произнес вежливый и холодный, словно арктический ветер, голос секретарши мужа. Марго никогда она не нравилась. – Он просил его не беспокоить.

– Но я... – договорить у Маргариты не получилось. В трубке раздались гудки отбоя.

– Просил не беспокоить, – медленно, будто по слогам произносит Марго, сидя в автомобиле, напротив серого и какого-то приземистого здания морга. Разговор с секретаршей произошёл час назад, успокоиться же у нее не получается до сих пор.

У неё кончалось терпение. В связи с необходимостью повторного сбора документов и устройства на работу Маргарита находилась в Нью-Йорке уже довольно долгое время, не считая пары недель перед самым выходом на работу, в течение которых она безуспешно пыталась наладить отношения с супругом и надеялась, что он попытается хоть как-то ее остановить, но Грегори не только не остановил, но и не мог выделить времени с ней связаться после отъезда. Слишком занятой.

Марго тяжело вздыхает и заставляет себя выкинуть из головы дурные мысли. О Грее и личной жизни, летящей псу под хвост, она обязательно подумает, но потом. Вечером или завтра. Или на выходных. Или когда закроет это чертово дело. Главное – не сейчас.

– Маргарита! – Марго вздрагивает от настойчивого стука в стекло и с удивлением смотрит на Майло, стоящего возле ее служебной машины. – Не выпалась?

– Зато ты выпался за двоих, – отзывается она без особого энтузиазма, оглядев улыбающегося напарника, и выходит из машины, с трудом подавив зевок. – Доброе утро.

Морг встречает их ярким белым светом ламп и запахом формалина.

– Отвратительное место, – оглядываясь по сторонам, тихо говорит Майло, чтобы никто посторонний его не услышал. – И кто только соглашается здесь работать?

– А кто соглашается на нашу работу? – замечает Марго. Ей тоже неудобно, но промолчать не выходит. – Можно подумать, мы занимаемся более приятными вещами.

– Мы ищем и наказываем преступников, а не копошимся в трупах, – недовольно бурчит Майло.

– Еще немного, и я назову тебя неженкой, Райтен, – предупреждает Марго, пока их данные записывает на входе молоденький парнишка, вероятно, студент, устроившийся на подработку. – Но ты прав, место, действительно, не самое приятное.

Они вдвоем проходят по небольшому пустому коридору к двери, ведущей в кабинет медицинского эксперта. Запах формалина становится сильнее.

– И вовсе я не неженка, Стригатти, – притворяясь обиженным, отвечает Майло и придерживает перед Марго дверь кабинета.

– Здравствуйте, мистер Паттерсон, – быстро прочитав табличку на столе, приветствует Марго пожилого мужчину в очках. – Я – детектив Стригатти, мы хотели бы узнать, готово ли экспертное заключение по вчерашней жертве Зверя, – она торопливо открывает блокнот, уточняя недавно записанную информацию о несчастной. – Миссис Кларк.

– Джереми, как поживаете? – Майло с Паттерсоном обменивается бодрим рукопожатием.

– Все прекрасно, пациенты не жалуются, – смеётся патологоанатом и только после этого отвечает Марго. – Конечно, готово. Ты вместо старого увальня Гастаки?

– К сожалению, да. Мне бы глянуть на ее вещи, может было что-то интересное? И что вы скажете об остальных жертвах? Все аналогично?

– Да, все одинаково. Как под копирку. Жертва – женщина. Белая. Возраст около тридцати. Смерть наступила вследствие утопления. Руки и ноги были связаны, остались следы. Рот был заклеен. Во рту лист из какой-то книги. На животе вырезан какой-то символ. Бедняжка ещё была жива, когда убийца ее резал, – монотонным, скучающим голосом рассказывает Паттерсон, выходя из-за своего стола. – Хотите взглянуть на жертву?

– Вот только на трупы после завтрака смотреть не хватало, – раздаётся недовольное бурчание Райтена, наблюдающего, как патологоанатом проходит к шкафу и достает из одной из папок небольшую стопку бумаг, соединённых скрепкой.

– В любом случае мистер Кларк сейчас в холодильнике. Пришел буквально минут десять назад до вас, – замечает мистер Паттерсон, протягивая Маргарите документы. Она пробегает глазами экспертное заключение. Все оказывается именно так, как и сказал Паттерсон – у этого человека хорошая память.

– Мы его допросим, – говорит Маргарита, цепляясь взглядом за фотографии. Ее рот удивленно приоткрывается. Она знает эту женщину. Смерть наложила свой отпечаток, но все же узнать можно. – Я ее где-то видела, – тихо говорит она Райтену. – Я в этом уверена. Только никак не вспомню, где именно.

– Может, вспомнишь, когда увидишь вживую, – удивленно покосившись на нее, тихо отвечает Майло, когда они выходят из кабинета вслед за Паттерсоном.

– Молодец, парень, – Паттерсон пихает Майло в бок. – Вживую! Уже начинаешь шутить по-нашему!

Райтен качает головой с выражением лица явно говорящем о том, как сильно он разочарован в этом мире. Ему и в голову не приходило шутить на подобные темы, но сказанного уже не воротишь.

– По коридору и налево – а там идите на запах, – продолжает забавляться судебный эксперт. – Только потактичнее, там все же ее супруг.

– Кто б говорил, – фыркает Марго. Паттерсон, несмотря на свой специфический юмор, ей нравится.

– А что я? Мне можно, милая, – отзывается патологоанатом. – Издержки профессии.

Вдовец, ссутулившись, стоит к ним спиной, закрывая собой от чужих глаз тело жены. Беспокоить его не хочется, но выбора у Маргариты нет.

– Мистер Кларк? – зовёт она, остановившись в шагах десяти от мужчины.

Энтони Кларк вздрагивает, быстро поворачивается к вошедшим и подслеповато щурится. Мистеру Кларку под сорок, а может и больше – так сразу Марго и не понять. У него хорошее, открытое смуглое лицо, а в темных волосах полно седины.

– Да? – тихо интересуется он, и по голосу нельзя сказать, что муж убит горем.

– Детектив Стригатти, полиция, – представляется Маргарита. – Это детектив Райтен, – она кивком указывает на напарника, стоящего рядом. – Соболезнуем вашей утрате. Мы расследуем ее убийство, – говоря это, Маргарита подходит ближе, чтобы посмотреть на труп.

– Бледна и прекрасна. Она будто спит, – тихо произносит мистер Кларк, вновь взглянув на то, что совсем недавно было его женой.

Марго, видевшая фотографии убитой до того, как ее омыли и привели в надлежащий вид, трудно согласиться. И всё-таки, где она видела эту миссис Кларк? Маргарита, хмурится, стараясь вспомнить, но не получается, хотя воспоминание кажется ей каким-то не сильно приятным.

– Вы ладили со своей женой? – спрашивает Майло, видя, что Маргарита молчит.

– Мы развелись, – пожимает плечами мистер Кларк.

– Когда вы узнали об убийстве? – спрашивает Марго, выйдя из задумчивости. Пусть вспомнить и не получается, но это не повод останавливать работу.

– Вчера около полудня мне позвонила ее сестра, сообщила, – также тихо отзывается Энтони Кларк. Голос его никак не вяжется с крепким телосложением и грубой наружностью.

– Где вы были два дня назад ночью? – интересуется Марго, буравя мужчину взглядом. Не похоже, что он что-то скрывал, но если верить статистике, жен чаще всего убивают мужья, ну и наоборот, разумеется. Мистер Кларк в ее представлении вполне тянет на Зверя.

– На буровой платформе. На Аляске, – уточняет вдовец и едва заметно печально улыбается. – Я прилетел сегодня ночью.

– Надо будет сделать запрос туда, – деля пометку в блокноте, тихо говорит Марго напарнику. Тот кивает, и она снова возвращается к мистеру Кларку. – У вашей жены были недоброжелатели? Поступали угрозы?

– Спросите у ее сестры. Мне об этом ничего неизвестно, – Кларк недовольно поджимает губы. Тема ему явно не по душе. Впрочем, ему просто не нравится расписываться в собственной неосведомленности.

– Можно ее данные и номер? – Маргарита переворачивает лист блокнота и записывает информацию под диктовку. Райтен, вытянув шею, смотрит адрес через ее плечо. – Миссис Кларк не вела себя в последнее время странно, необычно?

– Шесть месяцев назад Энн потребовала развода. До этого ее устраивало бегать по любовникам и находиться на моем обеспечении. Как супруги мы практически не жили, – пожимает широкими плечами мистер Кларк и брезгливо морщится. – Это все? Мне надо заниматься похоронами.

– Пока да, мистер Кларк, – Марго поджимает губы. – Оставьте номер, по которому можно связаться с вами в случае, если у полиции возникнут вопросы.

– Разумеется, – вдовец надиктовывает Маргарите по памяти несколько номеров, которые она старательно записывает. – Только должен предупредить, детектив, сразу после похорон я возвращаюсь на Аляску, мне некогда протирать штаны в Нью-Йорке.

– Хорошо, мистер Кларк, – кивает Марго и, бросив последний взгляд на убитую, разворачивается к Райтену. – Поехали, у нас ещё есть работа, – она с преувеличенным энтузиазмом демонстрирует блокнот с записанным адресом, лишь бы не думать о несчастной молодой женщине, мужу которой важнее собственная работа. Все это слишком хорошо знакомо.

Минут через пятнадцать полицейский автомобиль тормозит возле трехэтажного дома из бурого кирпича на несколько квартир. Не сказать, что слишком хорошего, но вполне приличного.

– Спасибо, что доверила машину, Маргарита, – задорно улыбаясь, говорит Майло, выбираясь с водительского сиденья.

– Я давно не водила, а у тебя это выходит явно лучше, – Марго громко хлопает дверцей и, сверившись с записью в блокноте, ищет глазами нужный подъезд. – Идем, нам сюда, – она быстро сверяется с висящим на стене списком квартир и их жильцов соответственно, и открывает дверь дома.

– Я понимаю. Жене сенатора положен личный водитель и все дела, – бурчит Майло, поднимаясь следом за Марго по хорошо освещенной лестнице на третий этаж.

– У нас нет личного водителя, – возражает Маргарита, чувствуя, как у нее начинают краснеть щеки. Наверное, любая другая на ее месте гордилась бы статусом и положением мужа, а вот ей крайне неудобно и кажется, что будь Грег был самым простым работягой, а не сенатором – все было бы гораздо проще. – Мы только домработницу наняли – я так и не научилась готовить ничего, кроме чая и кофе. Мама до сих пор шутит, мол, когда я последний раз встала к плите – сгорел дом.

– Тогда почему не водила? – продолжает допытываться Майло. Когда они достигают второго этажа, одна из дверей открывается, и кто-то высовывает свой любопытный нос, но стоит Майло обратить на это внимание, как дверь захлопывается. Сплетников и недошпионов, следящих за всем, что творится вокруг, везде хватает.

– Да особо некуда было без него ездить, если честно. У меня нет друзей в Вашингтоне, – признаётся Маргарита, подавляя тяжелый вздох. Она так и не сумела стать своей в обществе коллег и знакомых мужа. – А гулять в одиночестве быстро надоедает. Я, собственно, потому и вернулась. Как видишь, надолго меня не хватило. Не могу сидеть без дела в четырёх стенах, – остановившись возле нужной им двери, Стригатти нажимает кнопку звонка.

– Неужели Грег не нашел тебе статусного хобби? – не отстаёт от нее Майло, пока они ожидают хозяйку квартиры. – Будь я на его месте, я бы тебя не отпустил.

Марго хочет возразить, но дверь перед ними открывается, и их встречает точная копия той женщины, чей труп они видели за полчаса до этого, за исключением, разве что, волос – у женщины напротив они высветлены до модного платинового блонда. Маргарита от подобного зрелища сначала даже цепенеет.

– Здравствуйте. Я – детектив Райтен, а это детектив Стригатти, – представляет их Майло, тоже несколько удивленный подобным сходством. Марго запоздало демонстрирует женщине свой жетон. – Мы расследуем смерть вашей сестры. Можно нам войти, мисс Браун?

– Да, проходите, – хозяйка, вымученно улыбаясь, шире открывает дверь, позволяя детективам зайти в не очень большую, но модно обставленную квартиру.

– Мы соболезнуем вашей утрате, – тихо произносит Марго, присаживаясь, когда мисс Браун указывает им с Майло на диван, обитый розово-белым гобеленом.

– Энн... Мы близняшки. Понимаете... У меня такое чувство, что убили меня, – сбивчиво говорит Джессика Браун. Она нервно расхаживает по комнате и, не зная, куда деть руки, то и дело трогает разные фарфоровые безделушки, которых в гостиной великое множество.

– В таком случае вы, наверное, сможете рассказать нам что-то о последних днях ее жизни? – спрашивает Майло. Мисс Браун оборачивается на детектива, шмыгнув носом. Стригатти только сейчас замечает, как у той опухли глаза, наверное, женщина только и плакала с тех пор, как позвонили из полиции.

– Что Вас интересует?

– В последнее время у нее были конфликты? – спрашивает Марго, все стараясь вспомнить, где видела Энн Кларк. – Как ее муж воспринял развод?

– Энтони отнёсся спокойно. Наверное, устал быть рогиносцем, – Джессика берет со стола изящный серебрянный портсигар с гравировкой на крышке в виде цветов лилии и закуривает. – Они довольно долго не жили как супруги, и мне кажется, он в каком-то смысле даже смирился с ее ветреностью, – женщина на секунду задумывается, припоминая что-то. – Насчёт конфликта не знаю, но у неё были какие-то проблемы с этим ее богатым ухажером. Вроде замуж за него собиралась, но что-то там не задалось.

– Что за ухажёр? – Маргарита, насторожившись, словно охотничья собака, взявшая след, подаётся вперёд.

Мисс Браун оглядывается по сторонам, словно что-то ища, и, наконец, поднимает с журнального столика газету.

– Вот этот, – говорит она, демонстрируя детективам большую фотографию с обложки. – Глаза бы мои его не видели – всю кровь у Энни выпил.

– Именно, – едва слышно шепчет Марго, звонко щёлкнув пальцами.

Именно так. Она видела Энн Кларк с мерзким владельцем «Мефисто» в опере после того, как дала ему отставку. Вот почему лицо покойной казалось ей столь знакомым!

– Погодите, ваша сестра собиралась замуж за Вебера? – взглянув на газету, ошарашено спрашивает Майло, у которого, судя по реакции, это просто не укладывается в голове. – Не думал, что он из тех, кто женится.

– Вроде бы да, но я не лезла в ее жизнь. Такое не принято говорить, но... у неё было много любовников, поэтому я никогда не воспринимала никого из них всерьёз. Хотя они хорошо смотрелись с этим немцем, да и он подходил Энни гораздо больше, чем Энтони, – мисс Браун делает глубокую затяжку, нахмурив брови, и смотрит на Стригатти, которая в свою очередь неотрывно смотрит на фотографию в газете.

«Теперь ясно, почему ее лицо мне знакомо... теперь ясно...»

– Вы не знаете ничего более конкретного? В каких они были отношениях? – интересуется Майло. – Ссорились?

– Вы сами сказали, он не из тех, кто женится, но Энни настойчивая, – неохотно отвечает Джессика, переводя взгляд на Майло и заинтересованно его разглядывая. – Накануне сме... – она запинаясь, не в силах произнести это страшное слово. – В тот вечер Энн хотела с ним встретиться.

– Вы не знаете, зачем? – насторожено спрашивает Маргарита.

– У них вышел разлад. Она хотела помириться, – с сомнением в голосе отвечает Джессика, неохотно переводя взгляд на Марго – ее напарник интересуется незамужнюю мисс Браун гораздо больше. – Кажется, Энни собиралась к нему в ресторан.

«А вот это уже зацепка!»

– Вы видели ее после поездки? Может, знаете, чем кончился их разговор? – в темных глазах Маргариты загораются азартные огоньки. Нет, нюх ее не подводит – здесь точно что-то есть.

– Нет, последний раз Энни звонила мне вечером, перед тем как идти. У нее был очень боевой настрой, – затягиваясь, говорит Джессика. – Если бы я тогда только знала, я бы ее отговорила... – Марго устало замечает, как в уголках глаз женщины снова начинают копиться слезы. Зажав рот ладонью, Джессика судорожно всхлипывает и шмыгает носом. – Господи, она же так любила жизнь...

Марго поворачивает голову и задумчиво смотрит на Райтена. Тот ловит ее взгляд и недоуменно поднимает брови, как бы спрашивая «что?». Маргарита вновь переводит взгляд на хозяйку квартиры.

– Она ссорилась ещё с кем-то, мисс Браун? У неё были недоброжелатели?

– Все любили Энн! – с горечью отвечает Джессика и, затушив окурок в пепельнице, вновь начинает мерить шагами комнату. – Она умеет... умела очаровывать.

– Майло, ты знаешь, чего я хочу? – интересуется Марго, когда пять минут спустя дверь за ней и Райтеном закрывается, и они вновь оказываются на узенькой лестничной клетке. Напарник смотрит на неё недоуменно и немного напугано.

– Понятия не имею, – честно признаётся он.

– Отведи меня в ресторан, – видя, как напарник продолжает недоумевать, смотря на неё так, словно она произвела на свет выводок крылатых поросят, Марго закатывает глаза. – У нас есть зацепка.

3

Полицейский не торопится. Вебер лениво смотрит на часы, засекая время и намереваясь при удобном случае высказать недотепа все, что думает.

– Карстен? – хорошо знакомый голос заставляет его повернуть голову. На пороге допросной стоит удивленный Адам.

– Вайс, – лениво усмехается Вебер, окидывая судью пронзительным взглядом. Хочется напомнить Адаму, что не стоит его называть по имени, но прекрасно понимает – это абсолютно бесполезно. – Какими судьбами?

– Да я-то к Росси иду, мы сегодня договорились...

– Маникюр друг другу делать и мальчиков обсуждать? – перебивает судью Вебер, изогнув бровь и криво усмехнувшись. – Прямо-таки подружки, не могу.

Краснея, Вайс набирает в легкие воздуха, но не успевает возмутиться по поводу столь едкого комментария, переводя взгляд на возникшую в дверном проеме невысокую женщину в строгом мужском костюме. Вебер чувствует, как болезненно начинает пульсировать его правый висок.

– Теперь понятно, – тихо произносит он. – Меня еще не пытались задержать за то, что в моем ресторане строгий фейсконтроль. Обычно я за это слышу благодарность от посетителей. Впрочем, что еще ожидать от женщины, изображающей из себя мужика.

Адам встречается взглядом с Марго, и взгляд ее не предвещает ничего хорошего. Пожалуй, он мог чувствовать себя отомщенным, но долг перед сидящим за столом человеком требует от него определенных поступков.

– Пожалуй, я вызову твоего адвоката, – как бы сам себе говорит Адам, бочком протискиваясь мимо Маргариты.

– Ох, герр, я не настолько мелочна, – фыркает Марго, обворожительно улыбаясь, и улыбкой ее – Вебер готов поклясться – можно вскрыть вены. – Детектив Маргарита Стригатти, я веду расследование серии убийств.

Она, конечно, отчасти злорадствует, видя, как в глазах сидящего за столом Вебера буквально на долю секунды проскальзывает растерянность. Недобро улыбаясь, детектив садится напротив и, достав из папки несколько фотокарточек, кладёт перед ним.

– Карстен Лукас Вебер, – Маргарита обращается к мужчине настолько сухо и холодно, что даже воздух словно бы царапает слизистую носа. – Вы знаете женщину на этих фотографиях?

– Предпочитаю, чтоб меня называли исключительно по фамилии – Вебер, – сухо подчеркивает мужчина, прежде чем потянуться к фотографиям. Улыбка медленно угасает на его лице. Конечно, он узнает ее, точнее то, что с ней стало. – Да, детектив. Это Энн Кларк. Еще вопросы?

– Ответьте, мистер Вебер, – звук собственной фамилии словно ввинчивается в его мозг – настолько едко она произносится, – в каких вы были отношениях с Энн Кларк? – холодно спрашивает Марго, наглухо вцепившись взглядом своих темных глаз в его лицо.

Вебер скашивает глаза на диктофон на столе, который Маргарита принесла с собой. Он делает глубокий вдох, мысленно прикидывая, насколько сильно может повредить откровенность в данном случае, пытается предположить, как много уже знает эта женщина, и не замечает, как на автомате уходит в оборону.

– Вам так интересна моя личная жизнь, детектив?

– Мистер Вебер, – Марго улыбается с холодной учтивостью. – Сейчас речь идет не о вашей личной жизни, а о расследовании убийств.

– Могу я узнать, откуда Вам стало известно, что я вообще хоть как-то связан с миссис Кларк? – меняя тему разговора, интересуется Вебер.

«Я видела вас в опере» – едва не срывается с ее языка, но Марго успевает остановиться. Ни к чему ему пока это знать.

– Сестра убитой, Джессика Браун сообщила, что у замужней Энн был роман на стороне, и не с кем-то там, а – удивительное совпадение – именно с Вами. Якобы, все было настолько серьезно, что она даже подала на развод с мужем, и все из-за Вас. Вы можете это как-то прокомментировать?

– У миссис Кларк было чрезвычайно бурное воображение, – криво усмехается Вебер, сложив руки на груди. – Она придала нашей связи слишком большое значение. Ее никто не просил разводиться. Между прочим, детектив, вы уже допросили ее мужа?

– Ее муж на тот момент занимался добычей нефти где-то... – Марго шустро перелистывает бумаги в папке и тыкает указательным пальцем в телеграмму. – Ах да, на Аляске. Час назад прибыл ответ, в котором начальство настойчиво заверяет, что мистер Кларк в ночь с двадцать четвертого на двадцать пятое апреля отработывал свою смену на точке добычи и в Нью-Йорке быть никак не мог. Сейчас он занимается организацией похорон. А вот при каких обстоятельствах вы, мистер Вебер, последний раз видели покойную, о чем говорили и чем были заняты в вышеупомянутую ночь с двадцать четвертого на двадцать пятое апреля, мне было бы весьма интересно послушать.

– Значит, это произошло с двадцать четвертого на двадцать пятое? – уточняет Вебер, чувствуя, как по спине пробегает неприятный холодок. В голове мелькает неприятное воспоминание, а за ним и мысль о том, что зря он не взял с собой Фокса и, возможно, стоило бы дожидаться его появления, прежде чем говорить. Впрочем, сейчас уже поздно отказываться отвечать – слишком подозрительно. – Что ж, донна, я скажу. В ночь с двадцать четвертого на двадцать пятое я занимался любовью с одной рыжей бестией.

– Стоп! Давайте-ка лучше по порядку, – Маргарита поднимает руку, прерывая его. – Вы отвечаете как-то очень уж выборочно. Будьте любезны, начните с начала, – она наблюдает за

тем, как Вебер на секунду поджимает губы и словно бы даже делает несколько более глубокий вдох.

«Волнуешься, – ехидно замечает Маргарита. – Правильно делаешь, продолжай, и я тебя расколю как орешек!»

– Давайте ещё раз. Расскажите подробно, при каких обстоятельствах вы видели миссис Кларк в последний раз, и о чем вы с ней разговаривали?

– Я смотрю, донна, Вам очень неприятно, когда речь заходит об интиме, – спустя несколько мгновений отвечает Вебер, намереваясь спровоцировать Маргариту. – Если судить по кольцу на вашем пальце – Вы, как ни удивительно, замужем. Но ведете вы себя отчего-то как старая дева.

Марго с трудом удерживается от того, чтобы закатить глаза. Все это банально, хотя и неприятно.

– Свои сравнения и фантазии по поводу меня оставьте при себе, – отвечает она сухо, лишь сверкнув глазами. – Меня они не интересуют, – попытка нащупать уязвимые места слишком очевидна, чтобы Маргарита этого не заметила. Она спешит взять себя в руки, стараясь сохранять ровный голос и нейтральное выражение лица.

«Нет, герр, сегодня вы будете играть по моим правилам, нравится Вам это или нет!»

– Мне повторить, или Ваша память ещё позволяет вам держать в голове вопросы, заданные минуту назад?

– Смею Вас заверить, донна, я и не собирался фантазировать о вас, – улыбка становится более наглой. – С миссис Кларк мы расстались с месяц назад, когда она... как это лучше выразиться?... – собеседник Маргариты задумывается. – Когда она стала слишком настойчиво и активно намекать на брак.

– Мистер Вебер, – Марго откидывается на спинку стула и устало трёт глаза. Она понимает, чего он добивается. Пытается тянуть время до приезда адвоката. Представляя степень стервозности юриста, работающего на человека вроде того, что сидит напротив, Марго понимает, что ей не стоит терять времени. Потом из допроса уж точно ничего хорошего не получится. – Вы очень сильно облегчите работу полиции, если все же хоть немного сконцентрируетесь на вопросах, которые я вам задаю. Я понимаю, человеку Ваших лет... тяжело, – она не без удовольствия отмечает промелькнувшее во взгляде мужчины возмущение. – Память слабеет, разум помутняется, речь бывает тяжело контролировать, что там у вас ещё... Но все же вернёмся к нашей беседе. Вы не ответили на мой вопрос. Итак, я повторяю: при каких обстоятельствах вы в последний раз видели миссис Кларк?

– Вы ненамного младше меня, донна. Подождите пару лет и сможете на своей шкуре ощутить все радости моего возраста, – ехидно отвечает Вебер, начисто игнорируя вопрос. – Как бы я ни хотел облегчить работу полиции, я не имею привычек убивать своих любовниц. Пусть даже бывших и слишком настойчивых. Если бы было иначе, вы бы устали считать их трупы.

Лицо Марго каменеет. Она может контролировать эмоции, но цвет кожных покровов ей неподвластен. Маргарита чувствует, как от брошенных слов кровь отхлынула от ее лица. Пару секунд глядя на допрашиваемого немигающим взглядом потемневших от сдерживаемой ярости глаз, она вновь растягивает губы в хищной, очень нехорошей улыбке.

Вебер наблюдает, как Маргарита, не отрывая от него взгляда, нащупывает в лежащем на столе портфеле небольшую металлическую пепельницу и ставит рядом с собой, после чего выуживает из кармана брюк смятую пачку Winston. Все также смотря на него, она прикуривает сигарету и делает длинную, неторопливую затяжку. К потолку взвивается тонкая струйка дыма.

– Верно ли я понимаю, герр, – начинает Маргарита тоном, в котором словно смешались сахар со стеклянной крошкой, – что вы отказываетесь отвечать на прямо поставленный полицией вопрос?

Не прерывая зрительного контакта, Вебер делает то, о чем мечтал столько времени – достает золотой портсигар с выложенной изумрудами «W», вытаскивает сигарету, чиркает зажигалкой и с наслаждением закуривает. Подавшись вперед, он все еще не сводит взгляда с почти черных глазниц и, растянув губы в улыбке, интимно понижает голос и выдает то, чего Маргарита просто не может ожидать:

– Вам кто-нибудь говорил, что вы, когда злитесь, становитесь очень красивой, донна?

«... Гнев тебе, безусловно, к лицу...» – полустертые прошедшими годами слова всплывают в ее памяти неожиданным и предательски болезненным воспоминанием, Марго ощущает, как маска ее спокойствия, и без того не безупречного, начинает трещать по швам. Победная улыбка сползает с ее лица.

Чуть потрянув головой, словно пытаясь выкинуть воспоминание из памяти, Маргарита задрожавшей рукой подносит сигарету к губам и делает ещё затяжку.

– Вы увильваете от ответа, мистер Вебер, – держать голос под контролем стоит ей титанического усилия. – Ваши замечания не относятся к теме нашего разговора.

– Неужели ваш муж так редко делает вам комплименты? – без тени иронии интересуется Вебер, заметив ее реакцию. Он не ожидал ничего подобного. – Интересно, а ваш характер не связан с тем, что муж еще кое-что делает слишком редко?

Стиснув зубы, Марго тушит окурок в пепельнице и, уже не пытаясь сохранить холодность выражения лица и тона, опирается руками в стол и медленно встает со своего места, теперь уже смотря на наглого допрашиваемого сверху вниз.

– Слушайте внимательно, мистер Вебер, – громко и отчетливо произносит она, – убито несколько женщин, и сейчас вы выглядите не просто как подозреваемый, а как человек, которому есть что скрывать от полиции. И клянусь, если вы не перестанете вести себя как шут, задавая идиотские вопросы, не имеющие никакого отношения к делу, и не начнете отвечать на поставленные мной вопросы, то говорить начну я. И, поверьте, то, что я скажу, очень сильно Вам не понравится. Я ясно выразилась, герр Вебер? – последние слова Марго едва ли не шипит, нагнувшись к лицу Карстена через стол и словно пытаясь прожечь в нем дыру своим взглядом.

– Значит, я прав. Заведите любовника, детектив, а то с вами просто невозможно разговаривать. Если я не ошибаюсь, врачи называют это бешенством матки. Это раз, – Вебер криво усмехается и делает очередную затяжку. – В жизни я повидал гораздо более страшные вещи, чем угрозы от полисмена – пусть и итальянки. Это два, – он тушит сигарету в пепельнице. – Чтобы испытать удовольствие от общения с женщиной, мне не нужно ее убивать. Надеюсь, вы понимаете, что ваш преступник испытывает от этого удовольствие, иначе бы он просто не делал этого снова и снова. Ищите неудовлетворенного извращенца. Это три.

– Вы не хотите по-хорошему, да? – усмехается Марго, выслушав очередную порцию желчи. Терпение ее кончилось, женщина понимает, что пора доставать тузы из рукавов.

«Он хотел поиграть? Что ж, отлично, будет ему игра...»

Маргарита обходит стол и подходит ближе к мужчине, не прерывая зрительного контакта и вновь улыбаясь той самой острой улыбкой. Вебер не отводит от неё взгляда, заметив интереснейший огонёк, вспыхнувший на дне ее глаз и не сулящий ровным счетом ничего хорошего.

– Судя по вашим манерам, я вижу, вам нравится пожестче, герр Вебер, – почти шепчет Маргарита, наклонившись к его уху. – Что ж, мне тоже. И я с превеликой радостью доставлю вам такое удовольствие.

– Знаете, донна, у меня будет только один вопрос, – криво усмехнувшись, совершенно спокойно отвечает Вебер, с интересом наблюдая за итальянкой. Давно у него такого не было. Это будоражит. Идя на допрос Вебер и думать не думал, что это будет так интересно – достойный противник, способный нанести удар и отразить его. Почти отразить. – Скажите, детектив, что обо всем этом подумают ваши коллеги? – он небрежным движением руки указывает на

зеркало, прозрачное с другой стороны, за которым, вполне возможно, собралось немало зрителей. – Вайс, это не то, что ты сейчас себе вообразил – детективу правда глаза колит.

Предвкушая, как мерзкая ухмылочка сотрется с лица негодяя, Маргарита возвращается на своё место и достаёт из папки несколько листов бумаги.

– Советую набрать в грудь побольше воздуха, герр, потому что я предпочитаю с придушением, – она опускает взгляд в документы и понижает голос до елейного, томного полусшепотка:

– «Где-то около полуночи в ресторан пришла миссис Кларк, с которой хозяин... ну вы понимаете... Они ругались, потом он вывел ее на улицу...», – бросив на Вебера недобрый взгляд, Марго открывает следующую страницу и зачитывает:

– «Ближе к закрытию пришла его бывшая, устроила некрасивую сцену, босс вытащил ее на улицу, и они уехали в его машине...». Оу, а вот ещё, это мне особенно понравилось... «Мистер Вебер и миссис Кларк были совсем рядом, я слышала, как они ругались. Она грозилась сначала поджечь его дом, потом сделать с собой что-нибудь. Я видела, как он грубо схватил ее за руку и вывел на улицу, там они сели в машину, и больше мистер Вебер в тот день не вернулся...», – Марго опускает листы с показаниями и поднимает взгляд на посеревшего лицом мужчину. – Я воспользовалась вашим щедрым предложением подойти к ресторану с заднего входа и опросила сотрудников. Мне продолжать, или вы все же пожелаете изложить свою версию событий?

– А я-то уже было подумал, что вы переоделись, – хмыкает Вебер, почти моментально взяв себя в руки – ему это неприятно, но вовсе не смертельно. – Детектив, зачем вы потратили столько моего времени? Вам и так уже все известно. Неужели нельзя было с этого и начать? Я понимаю, вам все равно – у вас идет смена, а у меня еще назначено несколько встреч на сегодня.

– Затем, что описанное сотрудниками вашего заведения – лишь малая часть мозаики, который я пытаюсь собрать, в то время как вы не хотите помочь не то что мне, но и даже себе самому. Поставьте себя на мое место и подумайте, кто идеально вписывается в роль убийцы в нашей пьесе? – Маргарита кладет бумаги на стол и снова встает, сложив руки на груди. – Пока что на главную роль подходит лишь один человек, – она с трудом удерживается от усмешки. – Мужчина, повздоривший с любовницей перед кучей свидетелей и увезший ее в неизвестном направлении среди ночи, после которой полиция вдруг обнаруживает ее связанный труп, вынесенный на берег! – Марго обходит комнату по кругу, чувствуя на себе его пронзительный взгляд. – Вы ничего не хотите пояснить по этому поводу, герр Вебер? Или вам настолько плевать, что с вами станет?

– У меня слишком хороший адвокат, детектив. Мне не стоит беспокоиться о подобных пустяках, – Вебер продолжает криво улыбаться, пристально рассматривая молодую женщину. – Так и быть, я расскажу вам, что произошло, но при одном условии. Мне нужны имена сотрудников, надумавших откровенничать с полицией. Понимаете, донна, – говорит он, понизив голос до доверительно шепота, – «Мефисто» – заведение самого высокого уровня. Мы не можем держать у себя стукачей. Клиенты должны быть в нас уверены. Если вы не сообщите мне имена – я уволю всех. Даже невиновных. Кроме того, я сделаю так, что их больше не возьмут на работу ни в одно приличное место.

Марго с шумом втягивает носом воздух, резко обернувшись на его слова и едва сдерживая завертевшиеся на языке ругательства. Ей казалось, нельзя упасть в ее глазах еще ниже, но мистер Вебер упорно и стремительно опускается на дно все ниже и ниже.

– Ваш ультиматум, герр, – цедит она, выпрямившись, – больше походит не на заботу о престиже заведения, а на попытку отомстить неугодным свидетелям, выполнявшим требование закона и сболтнувшим лишнее, – Маргарита встает напротив, глядя на подозреваемого сверху вниз. – Это низко и подло. А может вам, действительно, есть, что скрывать от полиции?

– Любому в нашей стране есть, что скрывать от полиции – это называется частная жизнь, – Вебер по-прежнему невозмутим, словно каменное изваяние, а не живой человек. – Именно поэтому мне нужны имена болтунов. Они не должны работать в моем ресторане. Это дело чести. Кроме того, у меня часто бывают ваши земляки. Полагаю, донна, вы не хотите, чтоб в следующий раз ваших осведомителей нашли с канарейкой во рту? Думаю, уж лучше они лишатся работы, чем жизни. Не так ли? Что касается убийства – нет, я этого не делал.

– Словно бы убийца сказал как-то иначе, – Маргарита задумчиво кусает губу, размышляя и ругая себя за излишнюю болтливость. Дернул же черт за язык упомянуть сотрудников! А теперь расхлебывать кашу и сталкиваться с последствиями собственных ошибок.

Показания ей нужны кровь из носу, и теперь сидящий напротив черт требует выбирать из двух зол, в которых виновата она и только она. Глубоко вздохнув, Маргарита снова берет со стола бумаги с показаниями.

– Поразительная забота о чести для человека, знающего об этом слове разве что из словаря, – сухо произносит она, переворачивая листы текстом вниз и опуская их на середину стола. – Рассказывайте, мистер Вебер. А после можете взять объяснения свидетелей и ознакомиться.

Вебер вздыхает и откидывается на спинку стула. Он не победил, но и не проиграл. Они просто заключили взаимовыгодную сделку.

– Энн Кларк была красивой, ветреной, глупой и очень настойчивой женщиной. Страшное сочетание. С умной можно хотя бы договориться, – отстранено начинает Вебер, стараясь как можно вернее подобрать слова. Любая двусмысленность сейчас запросто может сыграть против него. – Наши отношения, хотя это слишком громко сказано – нам просто нравилось проводить ночи вместе – продлились около года. Может быть, чуть меньше. После расставания миссис Кларк мне постоянно названивала, шла на различные уловки пыталась добиться встречи и всячески отравляла мою жизнь. Ей хотелось стать моей женой – из всех ее любовников, а я за последний год был у нее не один, я оказался наиболее выгодной партией. Упускать такой шанс выбиться в высшее общество ей не хотелось. Двадцать четвертого апреля миссис Кларк заявила в «Мефисто», устроила скандал, но вы об этом знаете, – Вебер, усмехнувшись, кивком указывает на бумаги. – Я ее вывел из ресторана, усадил в машину и, отвезя к психиатрической лечебнице, высадил. Я предупредил миссис Кларк, что если она еще раз появится в моей жизни, то проведет в этой лечебнице остаток своих дней. После я уехал домой.

– Видел ли кто-нибудь, как вы ее высаживали? Во сколько это было? Возле какой именно больницы? – продолжает допрос Марго, проверяя на всякий случай, записывает ли диктофон разговор. Она знает, что дома ее еще ждет «чудесный» вечер в компании голоса собеседника, сидящего напротив. – Во сколько вы вернулись домой, и кто может это подтвердить?

Маргарита понимает, что вопросов многовато, но боится что-то упустить. К тому же память собеседника явно лучше, чем тот пытается ей продемонстрировать.

– Я не засекал времени, но ваши свидетели говорят, что мы ушли около полуночи. Я отвез ее в Белвью – это не так далеко от «Мефисто», а мне не хотелось долго с ней возиться – у меня были планы на ночь, – Вебер задумывается, вспоминая тот вечер. – Не думаю, что нас видели, но, вероятно, миссис Кларк вызывала такси или звонила любовнику. Проверьте автоматы или спросите в клинике. Домой вернулся не позже часа – уточнить можете у Изабеллы Бланш. Она меня ждала. Остаток ночи мы проверили вместе. Это все?

Марго задумчиво наблюдает за Вебером, накручивая на палец прядь волос. Она, конечно же, может попросить номер его любовницы, но прекрасно понимает, что в попытке узнать что-то у нее не будет ровно никакого смысла.

«Если эта Бланш даже что-то и знает, то вряд ли сболтнет, тем более, если Вебер сейчас уйдет и наверняка с ней свяжется, ведь удерживать его дольше нет оснований...»

И все же Маргарита протягивает собеседнику пустой лист и ручку.

– Напишите номер телефона, по которому с вами можно связаться, и номер Изабеллы Бланш. И да, не покидайте Нью-Йорк до конца расследования.

С тяжелым сердцем Маргарита молча наблюдает за тем, как Вебер тянется к лежащим на середине стола объяснениям и задумчиво скользит по строчкам взглядом. Прочитав фамилии, он недовольно кривит губы.

– Неприятно знать, что у тебя под самым носом развелось столько крыс, – бормочет себе под нос Вебер. Что ж. Он с ними покончит и преподаст урок другим. Его репутация и репутация ресторана останутся безупречными. Не хватает еще ему проблем с Доном из-за кучки болтунов.

Вебер неторопливо возвращает Маргарите показания свидетелей и, подтянув к себе чистый лист, по памяти пишет левой рукой несколько номеров с пояснениями.

– Это редакционный номер «Нью-Йорк Таймс», – говорит он, откидывая в сторону ручку. – Вы можете связаться по нему с мисс Бланш. Она штатный журналист.

Вновь откинувшись на спинку стула, Вебер внимательно рассматривает детектива. Он так и не может понять нравится она ему или нет, но эта женщина совершенно точно будоражит его разум.

Дверь в комнату, где проходит допрос, с шумом распаивается, и в нее буквально влетает худой светловолосый мужчина в полосатом сером костюме. Весь он какой-то взбудораженный и взлохмаченный, а круглые очки перекошены на крючковатом носу.

– Фокс, наконец-то, – бурчит Вебер. – Мог бы и не спешить. Мы закончили.

Маргарита, хмуро и коротко кивнув юристу, подтягивает к себе лист с телефонными номерами и убирает в папку. У нее слегка подкипают мозги – с Вебером слишком непросто общаться. Он изворотлив не хуже самого опытного адвоката. Детектив машинально тянется к помятой пачке и закуривает еще одну сигарету.

– На этом все, мистер Вебер, – наконец, произносит Маргарита, вздохнув после того, как выпускает из легких весь табачный дым без остатка. – Выход найдете сами.

Ее мысли занимают официанты, которых ждут не лучшие известия. Накатывает чувство вины, настроение падает до минусовых отметок. Маргарита придвигает пепельницу ближе, чтобы скинуть пепел, и словно бы даже не обращает внимания на вставшего из-за стола мужчину.

– Вам стоило вызвать меня, прежде чем являться сюда! – возмущается Фокс, отчитывая своего влиятельно клиента. – Вы не обязаны были отвечать на вопросы полиции без моего присутствия.

Подозреваемый неторопливо забирает со стола свой портсигар и только после этого отвечает Фоксу:

– Идем уже. У меня есть для тебя куда более важная работа.

Вебер открывает дверь допросной и, обернувшись, смотрит на сидящую за столом маленькую женщину, которая, по его мнению, удивительно хорошо вынесла эту «милую» беседу.

– Донна, напоследок у меня к вам только один вопрос: а если вы не раскроете убийство совсем, я что, до конца дней должен буду протирать штаны в Нью-Йорке?

Не дожидаясь ответа, Вебер исчезает за дверью вместе со своим адвокатом, оставив последнее слово за собой.

– Bastardo³, – тихо произносит Марго, делая ещё одну нервную затяжку и собирая документы в папку.

4

³ Bastardo (ит.) – ублюдок

Чувствуя, как ее трясет от ярости, красная, как маков цвет, Марго выходит из кабинета Шефа с одним единственным желанием – убивать. Медленно и мучительно.

«Мерзкая сивая крыса...» – она сминая в руках свежий выпуск «Нью-Йорк Таймс», едва удерживаясь от рыка из-за переполняющей ее кипящей злости.

– Нет, я ему все выскажу! – шипит она гневно. Не выдержав и сорвавшись с места, Марго едва ли не бегом направляется к выходу из участка.

– Маргарита! – окликает вышедший следом Райтен, но она уже его не слышит. Или делает вид, что не слышит.

– Ох, не к добру... – закрыв за собой дверь, бормочет Адам, глядя на удаляющуюся женщину. – Майло, иди за ней, у неё револьвер...

– Вебер – подонок, – холодно чеканит Райтен, кинув косой взгляд на судью. – С таким ничего не случится. Всегда выходит сухим из воды, а ты вон как за него переживаешь. Вайс, почему ты покрываешь преступника?

– Я знаю, что такие вот пакости не в его стиле, – ровным тоном отвечает Адам, хоть в глазах его и читается растерянность. – Вебер может и не самый хороший человек, но делать что-то исподтишка – не его метод.

Майло закатывает глаза, не желая больше слушать оправданий, и идет следом за уже скрывшейся из виду напарницей. Крысы крысами, а Маргарита, действительно, всегда была излишне темпераментной – он прекрасно помнит ее нелегкий нрав еще со времен совместной учебы в полицейской академии. Тогда юная Стригатти растворялась в обручающих ее эмоциях, выводить ее из себя было себе дороже, в чем не раз убеждались не самые умные курсанты академии, и поручиться за ее поведение сейчас он бы точно не взялся.

«Если ее отстранят от расследования...»

– Ради него я бы палец о палец не ударил, – бросает напоследок Майло. – Только бы Маргарита сама не наделала глупостей.

Вебер хоть и мог по праву называться баловнем Судьбы, но черные полосы встречались и в его жизни. И, кажется, недавно началась одна из них. Нет, дела у него по-прежнему идут в гору, бизнес процветает, но в последнее время в его жизни то и дело возникают разные мелочи, отравляющие его существование.

Из Англии нет никаких вестей. Глупая, самоуверенная девчонка, которую он имел глупость отослать подальше и чуть ослабить контроль, исчезла без следа. Впрочем, в таком исчезновении нет ничего удивительного – родная кровь – и этим все сказано. Он тоже умеет вот так исчезать, будто и не было.

А тут еще этот допрос, детектив с бешеным нравом и чудесными глазами. Вебер знает, все это не к добру, а потому нынче утром был особенно зол, устроив из увольнения болтунов самое настоящее шоу с моральной поркой. После такого даже лучшие сотрудники ходят буквально по струнке, боясь поднимать глаза.

– Мисс Стрендж, не нужно строить из себя дурочку. Вы прекрасно знаете, что не так с вашим произведением, – он отрывается от документов, которые положил ему на подпись юрист, и смотрит в голубые глаза сидящей напротив черноволосой женщины. – И из меня дурака делать тоже не надо, я этого не терплю.

– Я не понимаю, мистер Вебер. Вам не нравится мой стиль? – ослепительно улыбается Элен. Она поправляет на носу небольшие очки-половинки, которые носит скорее ради имиджа, чем из необходимости. – Я выбрала ваше издательство, потому что слышала прекрасные отзывы, но я могу пойти и в любое другое.

– Я прочёл окончательный вариант вашей рукописи и могу заверить – со стилем все прекрасно. Проблема в другом: вы обманываете людей. Нет, не читателей, – Вебер даже удивляется твердой наглости, с которой мисс Стрендж выдерживает его взгляд. – Вы обманули людей,

которые согласились поделиться с вами информацией. Я, знаете ли, сделал пару интересных звонков, и знаете, что узнал?

– Понятия не имею, мистер Вебер, – все также с приторной любезностью отзывается Элен Стрендж. – Но я, напротив, никого и никогда не обманываю. Я во всем предельно честна. Люди имеют право знать правду о прошедшей войне. Впрочем, я понимаю, ту бойню развязал ваш народ. Вероятно, и вы сами до того, как стать американцем, шагали под фашистскими знамёнами.

– Я имел наглость поговорить с несколькими людьми, которых вы интервьюировали для написания книги, и все они как один твердят, что вы гарантировали им анонимность и сохранение личной информации в тайне. Так может быть, вы ответите мне, мисс Стрендж, почему в рукописи выложены все их данные вплоть до адресов проживания? – ледяным голосом продолжает Вебер, пропустив мимо ушей замечание писательницы.

– Без этого книга перестает быть документальным исследованием. Просто беллетристика.

– Эти люди доверили вам свои тайны взамен на сохранение статуса инкогнито. Мне не нужны судебные иски от недовольных людей, и даже на это я мог бы закрыть глаза, но вы, мисс Стрендж, имели наглость спойти окружного судью. Низкие методы, мисс, мерзкие.

– Мистер Вайс рассказал мне все сам и с большим энтузиазмом, – возражает Элен, сверкнув стеклами очков.

– Если бы я выпил столько, сколько вы в него влили, то рассказал бы и не такое, при том, что никогда не был участником боевых действий, – коротко усмехается Вебер, ставя очередную подпись и ожидая, когда юрист отдаст ему новую пачку требующих подписи документов.

– Как насчёт того, чтобы пообедать или поужинать, мистер Вебер? – тут же интересуется Элен, подавшись вперёд.

– Чтобы вы и меня споили? – интересуется он, оторвавшись от своего занятия. – Глупец учится на своих ошибках, а умный – на чужих.

– Вы знаете чего от меня ожидать, а я знаю, вашу репутацию среди женщин, – лукаво говорит писательница. – Разве вам не интересно искутить судьбу?

– И, тем не менее, мы разные, мисс Стрендж, – Вебер откидывается на спинку кресла, буравя писательницу взглядом. – Я не использую ложь и клофелин, чтобы получить желаемое. Вы – да. И я вам гарантирую: если Вы не уберёте из книги то, что обещали сохранить в тайне, Вас не напечатает не только мое издательство, но и любое другое на территории этого штата. Война кончилась почти десять лет назад, и мы оба прекрасно понимаем, что у Германии и без ваших стараний уйдут десятилетия, чтобы реабилитироваться в глазах мирового сообщества. Хватит пинать мертвую лошадь.

Вебер хочет сказать еще что-то, но его отвлекает раздавшийся снаружи шум, и что удивительно – шум действительно громкий, ведь его кабинет расположен дальше любого другого: и от залов, и от кухни, и от служебных помещений как раз и ради того, чтобы царили тишина и покой, которые Вебер так ценит, и которых нет ни в школе, ни в театре, ни в издательстве, ни в офисе на Уолл-Стрит.

– Мисс Стрендж, если у вас есть еще какие-то вопросы, подождите меня здесь, мне необходимо уладить кое-какие дела. Если нет, то до свидания, – будничным тоном говорит Вебер и, взяв трость, поднимается из-за стола. Зыркнув на писательницу, увязавшуюся следом за ним, он быстро выходит из кабинета.

«Уволенные решили напомнить о себе напоследок?..» – раздраженно думает Вебер, выйдя в зал, и обводит тяжелым ледяным взором посетителей, но, не находив источника шума, он медленно поворачивается к двери, ведущей в кухню и дальше к заднему входу, возле которого собралась целая толпа.

«Пожалуй, это даже забавно...» – усмехается про себя мужчина, наблюдая за тем, как пятеро крепких мужчин не могут совладать с одним щуплым человечком.

Маргарита, встретившись со взглядом ледяных серо-голубыми глаз, свирепеет словно бык, увидевший красную тряпку, и Веберу думается, что она очень сожалеет, что его нельзя убить просто взглядом.

– Вы уберёте своих людей или предпочтете и дальше вести себя как кусок дерьма?! – выплёвывает Маргарита гневно, обнажая в оскале ровные белые зубы. Она с силой вырывается из рук поваров и, когда они, повинувшись жесту начальства, все же отпускают ее, оправляет поехавшую вбок рубашку и воротник тренча. Следом, запыхавшись, в зал вваливается ещё кто-то, но Марго не оборачивается, продолжая сверлить взглядом Вебера. – Отлавливая крыс, вы забыли о самой крупной – той, которую видите в зеркале! – голос ее под напором исторгаемой ярости вибрирует словно стекло.

– Поговорим наедине, донна, – произносит Вебер абсолютно спокойно, словно бы ничего не происходит. Слово все так, как должно быть. – Не нужно сцен на людях, вы же не истеричка, – он делает приглашающий жест рукой.

– Маргарита, – на плече детектива оказывается крепкая ладонь. – Не надо.

– Убери руку, Майло, – цедит сквозь сжатые зубы Марго, ещё сильнее сминая несчастную газету. – Иначе, клянусь, я тебе ее сломаю.

– Этого выставите вон, – спокойно говорит Вебер, едва взглянув на запыхавшегося частного сыщика. – Нам два кофе и... – он на мгновение задумывается, стоит ли продолжать, но будто в насмешку строит из себя радушного хозяина. Всем своим видом говоря и притаившейся за его спиной писательнице, ловящей каждое слово, и работникам, и посетителям, среди которых он заметил двух итальянцев, что все замечательно, ничего необычного, он все же договаривает:

– Донне, капрезе. Идемте.

Вебер удобнее перехватывает трость, на которую опирается, и, развернувшись, направляется к кабинету, ощущая, как детектив, идущая следом за ним, прожигает взглядом его спину промеж лопаток.

– Фокс, оставь нас, – едва раскрыв дверь, велит мужчина.

Дважды повторять не приходится. Расторопный юрист, схватив документы, словно бы растворяется в воздухе – насколько быстро исчезает.

Маргарита, скрипя зубами, наблюдает, как Вебер, отставив трость в сторону, снимает пиджак и, бросив его в кресло, облакачивается о стол, складывая руки на груди и устремляя на неё внимательный взгляд.

– Итак, что вас сюда привело? Я думал, мы закончили.

– А вашей наглости нет предела, герр, – Марго даже не цедит – почти рычит. – Я надеюсь, вы довольны собой. Думали отыграться? На место поставить? Подлый, низкий...

– Бессердечный, высокомерный, надменный и далее по списку, – заканчивает за нее Вебер, приподняв брови. – Я слышал это уже тысячу раз, не утруждайтесь повторять. Вот только обычно мне об этом говорят бывшие, а с вами, донна, мы вроде не спали, или я ошибаюсь?

Раздувая ноздри от негодования, Маргарита щурит глаза, глядя на преступно спокойного Вебера и пытаюсь понять, как он умудряется оставаться таким невозмутимым. Не человек – ледяной истукан.

– Если вы думаете, что я отступлюсь от своего из-за вашей подлянки, вы ошибаетесь. Я с вас теперь глаз не спущу!

– Мне очень лестно такое повышенное внимание, но я все ещё не понимаю, в чем именно виноват на этот раз, – Вебер чуть заметно поворачивает голову вбок, изогнув одну бровь. Марго

чувствует, терпения в ней вовсе не остаётся, и неизвестно, чем бы все кончилось, если бы дверь за ее спиной не отворилась, и в комнату не впорхнул бы официант с подносом.

Марго, едва не трясаясь от ярости, молча, сверлит inferнально-спокойного Вебера колючим, тяжёлым взглядом, ожидая, пока работник ресторана не покинет кабинета, плотно прикрыв за собой дверь.

– Присядьте, донна. Здесь варят чудесный кофе, – произносит Вебер, словно бы даже пытаясь быть дружелюбным, но Маргарита лишь фыркает от этого фарса. Как ей уже осточертели эти игры.

– Изображаете святую невинность? – скалится Марго, наблюдая, как Вебер невозмутимо садится в своё кресло и тянется к чашке. – Не надо играть. Я Вас вижу насквозь, – она делает шаг к столу и опускает смятую газету аккуратно на капрезе.

– Зря вы так. Торт отличный. Один из моих поваров родом из Италии. Готовит не хуже, чем в Риме, – замечает Вебер и, сделав неторопливый глоток обжигающе горячего кофе, берет газету.

Взгляд цепляется за кричащий крупный заголовок: «ПОЛИЦИЯ НЕ ЗАЩИТИТ!», и Вебер несколько недоуменно начинает читать бойкую, ядовитую статью, посвященную Маргарите Стригатти и тому, как она выдала ему своих осведомителей. Пожалуй, удивительнее всего оказывается то, что его собственное имя в тексте не упоминается вовсе, даже малейших намеков нет. Вебер косится на подпись – Изабелла Бланш. Все моментально становится на свои места.

Вебер аккуратно складывает газету, откидывается на спинку кресла и вперяет в Маргариту изучающий взгляд.

– Хорошо написано, бойко. Садитесь, донна, и примите мои поздравления. У вас тоже завелась крыса.

– В полиции нет крыс, – тихо и очень ядовито цедит Маргарита, вскинув голову. – У меня нет врагов на работе, и ни у кого, кроме вас не было причин подложить мне подобную свинью, – ее верхняя губа поднимается в презрительном оскале, обнажая белые резцы и клыки. – Личный номер кабинета мисс Бланш был только у вас и у меня. Так что единственную крысу я вижу перед собой.

– Милая донна, за нашей с вами милой беседой вчера наблюдала половина участка, – тяжело вздохнув, Вебер начинает объяснять, как ему кажется, элементарные вещи. – Потом эта самая половина рассказала все второй половине, приукрасив. Я думаю, вас не сильно любят коллеги – женщина-детектив в наше время – явление довольно-таки редкое, чтобы не сказать экстраординарное. Судя по всему, вы женщина умная, иначе бы не получили такую должность, и если вы успокоитесь и немного подумаете, то, несомненно, поймете – выяснить номер Беллы – не проблема. Достаточно позвонить в редакцию и попросить ее к телефону, – он делает небольшую паузу, а потом, глядя в глаза женщины, произносит тихо, но четко:

– Я не крыса, донна. Будь я крысой, сейчас бы я не ходил с этой тростью, – Вебер кивком указывает на черную трость с серебряным набалдашником в виде головы ворона. – Поверьте, я умею хранить тайны.

Марго бросает короткий взгляд на трость и едва заметно вздрагивает, узнав набалдашник.

«Ещё лучше» – она тяжело вздыхает, но решает, что сейчас не то время, чтобы думать об этой информации, и снова переводит взгляд на Вебера.

– Настоятельно советую, герр, чтобы ваши слова не разошлись с истиной, – Маргарита вплотную подходит к столу и, потянув руку за пояс, наклоняется к лицу Вебера настолько близко, что они оба могут рассмотреть узор радужки глаз друг друга. – Потому что там, где я выросла, – лезвие украденного с кухни ножа входит в дубовый стол на добрый дюйм, воткнув-

шись прямо между длинными, чуть узловатыми указательным и средним пальцами бледной руки. – Крыс режут.

Вебер не сдвигается ни на сантиметр, выдерживая ее взгляд с ледяным спокойствием. Маргарита отпускает рукоять ножа и, выпрямившись, направляется к двери.

– Я с вас глаз не спущу, герр. Не надейтесь, что сможете от меня отделаться. И передайте своей шаболде из «Нью-Йорк Таймс», что фамилия Стригатти пишется через «и».

– Кажется, теперь я понимаю, что такого в вас разглядел ваш муж, – выдернув из крышки стола нож, задумчиво произносит Вебер и видит, как Маргарита оборачивается возле самой двери. – Знаете, я сейчас сам буквально в шаге от того, чтобы пригласить вас на свидание, донна, и это несмотря на вашу ужасную манеру одеваться.

– Слишком много чести! – злобно фыркнув, Маргарита хватается за дверную ручку и дёргает на себя настолько сильно и резко, что пугает стоящего у двери Фокса. Вылетев из кабинета, она движется к выходу из ресторана, пыша такой злостью, что официанты и повара предусмотрительно исчезают с ее дороги, чтобы, упаси Создатель, не попасть под горячую руку.

– Какая женщина! – криво усмехается Вебер и манит Фокса ножом. – Ну чего встал? Проходи, давай свои бумаги...

Марго пулей вылетает на улицу, ища взглядом напарника, которого так и не пустили внутрь. Тот беседует с покинувшей ресторан черноволосяй женщиной в темном, но до ужаса вульгарном обтягивающем деловом костюме, держась чуть в стороне, чтобы в него не летел сигаретный дым.

– Маргарита, все в порядке? – интересуется Майло, заметив напарницу. Вместо ответа она громко, витиевато выругивается по-итальянски и порывистым движением достает из кармана пачку сигарет.

– Мерзкий, отвратительный слизняк! – уже по-английски шипит Маргарита, закуривая.

– Полностью с вами согласна. Отвратительный тип, – как-то уж очень мечтательно улыбается Элен. Марго смотрит на неё как на дуру.

– Майло, извини, что прерываю, но нам пора, – Маргарита оттаскивает напарника, взяв под локоть.

– До свидания, мисс Стрендж! – напоследок бросает Майло, обернувшись к писательнице.

– Пока-пока, – подняв руку, Элен едва заметно шевелит пальцами, прощаясь.

– Не обижайся, Маргарита, – тихо говорит Майло, когда они подходят к машине и оставшаяся у заднего входа Элен не может их слышать.

– На тебя? За что мне на тебя обижаться? – удивленно смотрит на него Маргарита.

– Из-за этой писательницы, – поясняет Майло, садясь за руль. – У нее с Вебером какие-то препирательства из-за ее книги. Говорит, он ей угрожает.

– Чем? Что за препирательства? – оживляется Марго, стараясь выпускать сигаретный дым в сторону от Майло, который, судя по всему, узнал что-то весьма интересное о главном подозреваемом.

– Там что-то с именами. Кажется, мисс Стрендж использовала в своей документальной книге настоящие имена, – говорит Майло, задумчиво почесав подбородок.

– Не слишком корректно, – замечает Маргарита. Последний раз затянувшись, она выбрасывает окурочек в небольшую пепельницу, стоящую в бардачке. – А он что сказал? Как угрожал-то?

– Не знаю, но она утверждает, что Вебер говорил что-то про клофелин.

– Ну, справедливости ради, они оба не слишком приятные личности, – задумчиво, отмечает Маргарита. – Друг друга стоят. Слушай, у нас нет вчерашнего выпуска «Нью-Йорк Таймс»?

Райтен хмурится, вспоминая:

– Кажется, нет, но при желании можно найти. А тебе зачем?

– Там на первой полосе была статья с его наглой физиономией. Мне нужна фотография.

– В выходные с ним вышло большое интервью в «Дейли Ньюс». Эдакий образец добродетели, – хмыкает Майло. – Я все хотел тебе показать, думаю, тебе следует ее прочесть. Между прочим, ты на нем сидишь.

– В гробу я его добродетель видала! – ворчит Маргарита, приподнимаясь и выдёргивая из-под себя газету.

Снова как-то неопределенно хмыкнув, Майло заводит двигатель, и машина мягко трогается с места. Маргарита, сжав зубы, рассматривает человека, надменно взирающего на неё с черно-белой фотографии, украшающей заголовок.

«ОБРАЗОВАНИЕ – ЭТО СИЛА. Известный бизнесмен вот уже три года курирует частную школу. За это время учебное заведение стало одним из самых престижных в штате, а его выпускники становятся студентами ведущих университетов».

– Зачем тебе его фото? – интересуется Майло, видя, как подруга рассматривает снимок.

– У меня есть идея, как использовать ее, – ухмыляется Марго, пробегая глазами статью. – Это лицо отлично украсит мишень. Ты давно практиковался в стрельбе?

– Давно, – тяжело вздыхает Майло, поглядывая на Маргариту. – Ты, наверное, не знаешь, но у меня больше нет лицензии на оружие.

– Ну... – тянет Марго. – Это в не значит, что тебе запрещено ходить на стрельбище. На двадцать пятой Авеню есть тир, я узнавала. Мне надо выпустить пар, Майло, иначе я свихнусь. Если не хочешь сам, то просто подбрось меня.

– Подброшу и даже посмотрю на тебя в деле, – улыбаясь, обещает Райтен.

– Ах, какое благородство! Ты только послушай! – возмущается Маргарита, зачитывая статью:

–«Школа мистера Вебера стала одной из первых, кто открыл свои двери для цветного населения. Важно лишь стремление к знаниям. Цвет кожи или этническая принадлежность не должны быть помехой к получению хорошего образования».

– Чёрный пиар – тоже пиар, – пожимает плечами Райтен, сворачивая на светофоре. – Он не гнушается делать имя и деньги на чужих проблемах.

– Не удивительно, – хмыкает Маргарита. – Вполне в его стиле.

– И, между прочим, это именно та школа, где работала наша покойная учительница английской литературы. А теперь угадай, кто запретил ее увольнять.

– Вебер?.. – недоуменно спрашивает Маргарита, недоверчиво глядя на кивающего напарника. – Ты сейчас меня разыгрываешь?

– Нет, я абсолютно серьезен. Что он тебе наговорил в ресторане? – интересуется Майло, немного меняя тему. – Разумеется, все отрицал?

– Настойчиво предлагал угоститься кофе с десертом и да, отрицал. Более того – уверенно заверял, что у нас в отделе крыса, которая якобы меня и сдала, – Марго нервно кусает губу. – Я понимаю, что люди не в восторге, но... они бы ведь не стали так делать? – она поднимает на напарника вопросительный и немного растерянный взгляд.

– Я не думаю, что кто-нибудь из наших так бы насолил коллеге. Это надо быть... – недоговаривает Майло, сильнее сжимая руль.

– Вебером, – заканчивает за него Маргарита. – А ты вспомни преподавателей в академии. Дрессировали так, что кости трещали, безбожно муштровали. Мы их ненавидели первые месяцы. Разница, правда, в том, что они в итоге оказались хорошими ребятами...

– Ты ещё скажи, что он может оказаться неплохим парнем! – не то весело, не то презрительно фыркает Майло. – Вебер тебя десертом подкупил?

– Скорее уж Ад замёрзнет, – вздыхает Марго, кривясь. – Я тебе не рассказывала, как он не впустил меня в ресторан перед этим? Индюк надутый...

– Нет, ты об этом не говорила. Как ты там вообще оказалась?

– Вайс пригласил посидеть, – честно отвечает Маргарита. – Помнишь, я в первый день с ним обедала? Ясное дело, я в рабочем была, а у них там политика заведения не позволяет зайти в ресторан не в парадно-выходном. Сначала я ругалась с охраной, а потом вышел этот...

– Вебер терпеть не может законников, а Вайс с ним якшается. Поговаривают, что Вебер его подкармливает, – понизив голос, сообщает Майло. – Сама понимаешь, я не о еде говорю.

– Адам хороший, – возражает Марго и невольно сжимает кулаки. Ей противно даже думать такое об одном из друзей – их у нее и так раз-два и обчелся. – Он не стал бы «кормиться» с чьей-то руки, и тем более – с его. Не стоит верить слухам.

– Ну не знаю, – пожимает плечами Майло, тормозя около тира. – Знаешь, их часто видят вместе. Я не поверю в такую дружбу – они слишком разные. Там что-то есть. Так что будь осторожна с Вайсом. Договорились?

– Если следовать твоей логике, то и слухи о том, каким местом я сдавала экзамен на детектива, правдивы, – холодно отзывается Маргарита, отстегивая ремень безопасности и выходя из машины. Она изо всех сил пытается заглушить обиду, но это удастся трудом.

– Тебя я прекрасно знаю. Ты землю роешь, чтобы чего-то добиться, – возражает Майло, спеша следом за Марго. – Но, Маргарита, неужели ты сама веришь, что с таким типом, как Вебер можно дружить?

Марго останавливается у входа и, достав пачку сигарет, закуривает.

– Будешь? Я более чем уверена, что люди, которые нужны Веберу, от него без ума.

– Я же не курю! Ты забыла? – отмахивается Майло, удивленный рассеянностью Маргариты. Она ведь это прекрасно знает.

– Зануда, – Марго затягивается, запроляя за ухо выбившуюся из-за ветра прядь, и прячет зажигалку. – Отлично расслабляет. Если бы не сигареты, я бы, наверное, с ума сошла.

– Та ещё гадость. Ты ещё бы кокаином побаловалась для расслабления! – с укоризной отвечает Райтен, маша рукой перед носом. – Отвратительный запах.

– Святоша, – закатывает она глаза и спешит докурить. Пара затяжек, и Марго тушит сигарету о мусорную урну, после чего позволяет открыть перед собой дверь, и, на ходу расстегивая тренкот, входит в помещение, показавшееся темным после уличного солнца.

– Да нет. Я не святой, – вздыхает Майло, спеша следом за Маргаритой. – Просто это редкая гадость. Не понимаю, что вы все находите в этом куреве.

У стойки регистрации их встречает работник – плотный лысый мужчина лет пятидесяти —и, быстро щелкнув выключателем, зажигает свет в крошечном холле.

– Добрый день. Вы записывались заранее? – интересуется он, смотря на гостей.

– Нет. Мы без записи. Из полиции. Предоставите нам пару мишеней, Кольт Детектив, – Марго выуживает из внутреннего кармана мятую двадцатку и кладёт на стол. – А тебе что, Майло?

– Маргарита, прошу, не надо, – с болью в голосе, отвечает Райтен. – Я лучше посмотрю.

– Ты странный, – поведя плечом, она снова обращает своё внимание на тактично покашлявшего инструктора. – Стрелять буду только я, а этот просто посмотрит.

Маргарита терпеливо позволяет записать свои данные, подписывает пару документов, и их провожают во внутренние помещения, где выдают шумоподавляющие наушники и защитные очки.

– Мне прикрепить тебе «мишень»? – беря свою часть экипировки, спрашивает Майло, когда они остаются наедине.

– Прикрепляй, – злобно скалится Маргарита, сощурившись. Губы растягиваются от улыбки и позабытого ощущения из детства, будто она задумала какую-то пакость. – К черту профессиональную этику! Сегодня все можно!

Дождавшись, пока Райтен прикрепит газету к мишени и окажется за контрольной полосой, Марго берет со стойки привычный руке револьвер и, откинув барабан, заряжает туда шесть пуль. Тихо взводит курок и, удобнее перехватив оружие обеими руками, целится. Когда яблочко совпадает с мушкой, она перемещает палец на триггер и, сместив прицел чуть вниз, мягко нажимает.

Выстрел. Выстрел. Выстрел. Так же естественно и просто, как дышать. Впрочем, с каждым новым нажатием на спусковой крючок дышать тоже становится легче.

За статью. За измывательство на допросе. За, черт побери, кривые ноги.

Пули одна за другой вонзаются в напечатанную физиономию Вебера – прямо между глаз. И он уже не кажется таким величественным, как прежде.

– Да ты просто снайпер! – когда выстрелы смолкают, раздаётся восторженный отзыв со стороны входа. Марго и Майло оборачиваются практически одновременно и во все глаза смотрят на приближающегося к ним Вайса.

– Привет, Адам, – тепло улыбается Марго, откидывая барабан и снова заряжая оружие. – Спасибо. Ты какими судьбами здесь? Не знала, что ты оформил разрешение на ношение оружия.

– Какими судьбами, Вайс? – сдержанно спрашивает Майло, загоразивая собой Маргариту.

– Я? Оружие? Создатель, упаси! – подойдя, смеётся Адам. – Меня сюда привел Бог, не иначе. Признаться честно, я тебя искал, Марго. Я же помню, в каком состоянии ты была в участке, ну и подумал, что ты поедешь выпустить пар.

– Ты угадал, – Маргарита пожимает плечами. – Именно этим я и занимаюсь. Надень наушники, – она круто разворачивается и, подняв револьвер, ещё разок разряжает его в истерзанную пулями фотографию, но на этот раз уже ниже – на уровне груди. Присматривается, оценивая результат.

– Все так плохо? – обеспокоенно интересуется Вайс, снимая наушники. – Неужели действительно он?

– Не могу утверждать без прямых улик, – отвечает Марго, рассматривая дыры в фотографии, появившиеся на уровне груди. – Но убить его хочется и без этого. Таким ублюдком быть – надо очень постараться.

– Это нужен прирожденный талант. Одних стараний мало, – с печальной улыбкой отвечает Адам. – Но одно скажу точно – если Вебер говорит, что не делал этого, значит, не делал. Он лукавит или недоговаривает, но никогда не врёт.

– Откуда ты его так знаешь? – встречается в разговор Майло. – Ты вообще в курсе, что сейчас, возможно, защищаешь преступника?

– Адам, ты ведь прекрасно знаешь, что зачастую родственники и друзья маньяков были вообще не в курсе того, с кем они живут под одной крышей и водят дружбу. Ты же сам наблюдаешь такие ситуации на работе, – Марго заряжает барабан в третий раз и целится еще ниже – теперь уже в неприкрытое газетой «яблочко» самой мишени. – Я не утверждаю, что уверена в его виновности на сто процентов, но и ты не можешь быть на сто процентов уверен в его невиновности. Я лишь говорю, что он – мерзавец и главный подозреваемый в совокупности.

– А я говорю, что он не так плох, как кажется! – возражает Адам, когда стихают выстрелы. – Я дам руку на отсечение!

– Не боишься остаться без руки, Вайс? – зло спрашивает Райтен. – Сколько он тебе платит? А?

– Майло, легче, – обрывает его Маргарита. – Перестань. Ты-то чего так на него взелся? Чем он тебя обидел?

– Он убил несколько женщина и подставил тебя – вот чем! – огрызается Райтен и его правая рука начинает двигаться будто бы против его воли. У него вновь начинается приступ. – А этот защищает! Не хотите слышать правду, тогда я пойду! – бросив наушники он ни на кого не глядя направляется на выход.

«Совсем не изменился...» – вздыхает Марго, глядя на удаляющуюся спину.

– Извини его, у него всегда были проблемы с контролем гнева, – Маргарита одаривает Адама извиняющимся взглядом и, положив оружие и снаряжение для стрельбы на стол, мчится за другом. – Майло, стой!

Грустно глядя ей в спину, Адам качает головой, а потом переводит взгляд на изрешеченную пулями фотографию.

«Вебер опять нажил себе врага. И что с этим делать?»

– Майло! – Маргарита догоняет напарника, когда тот выходит за дверь, на улицу. Он оборачивается, смеряет ее тяжелым взглядом.

– Что?

– Майло... Ты не хочешь со мной поговорить? – начинает Марго как можно более мягко.

– Да о чем говорить-то? – отмахивается Райтен. – Я уже и так все сказал. Вебер – крыса. Как он вчера с тобой разговаривал! Мне так и хотелось ему ро... – он отсекается на полуслове. Ему никак не удается взять под контроль эмоции. – Прости. Я просто... Я не выношу несправедливости. Ты же знаешь.

– Майло, – Марго называет друга по имени, заставляя сконцентрировать внимание на своем голосе. – Все хорошо. Ты же знаешь, если он меня обидит – я обижу вдвое сильнее, – она осторожно касается его рукой и, не встретив сопротивления, обнимает, даря успокаивающее объятие, которое никогда не подводило ее в академии, когда нужно было быстро потушить его гнев. – Скажи мне лучше, тебе еще снятся те кошмары?

– Они всегда будут со мной. Ты же понимаешь, то, что отец сделал с мамой... Такое не забыть, – Майло тяжело вздыхает и нерешительно обнимает Маргариту в ответ. Пальцы правой руки все ещё наигрывают на невидимом фортепиано.

– Выдохнул? – тихо спрашивает Марго некоторое время спустя. – Легче?

– Да, – также тихо отвечает Райтен. – Хорошо, что ты вернулась, Маргарита.

– Я бы хотела сказать то же самое, Майло, – грустно вздыхает Марго, но спешит взять себя в руки. – Подожди пару минут, я сдам оружие как положено, и приду. Поедем в театр, где работала та убитая танцовщица.

– Хорошо, я буду ждать тебя, сколько потребуется, – отвечает Райтен, даря Марго теплую улыбку, и идет к машине.

5

– Ох, как не хочется мне туда идти, – вздыхает Маргарита, бросая на напарника щенячий взгляд и смотря по сторонам. Тормозит на светофоре – слишком уж много на Бродвее пешеходов – к нужному зданию на кривой кобыле не подъехать. – Боюсь подумать, сколько их там. Как представлю этих актрисулек...

– Зависть берет? – шутит Райтен и не успевает уклониться от подзатыльника. – Эй! За что?

– За то, – чеканит Марго, следя за дорогой. После тира напарник уступил ей место водителя – знал же зараза, какое здесь непростое движение. – Ты, Майло, просто никогда не слышал о женском коллективе и не знаешь, что чем он больше, тем более ядовитые в нем змеи, – она притормаживает и глушит двигатель. – Я, конечно, надеюсь на лучшее, но...

– Мне вот интересно только одно, Маргарита, – говорит Райтен и на всякий случай отодвигается так далеко, как позволяет салон машины. – А ты откуда знаешь об устройстве женского коллектива?

– Майло, вспомни, кто мой муж, – кривя губы, напоминает Маргарита. – Ты думаешь, у его коллег жены такие же белые и пушистые? – она выходит из машины и громко хлопает дверцей. – Им только повод дай обсудить кого-нибудь и над кем-нибудь похихикать. В большинстве своём те ещё змеи.

– А ты считаешь себя белой и пушистой? – уточняет Райтен, неловко выбираясь из автомобиля. – Знаешь, не нравится мне это место, – говорит он, глядя на горящую огнями вывеску театра, в котором сегодня дают бурлеск-шоу.

– Все познается в сравнении, – коротко отвечает Маргарита и толкает двери.

К кассе стоит довольно приличная очередь из желающих приятно провести досуг за созерцанием шоу, Марго приходится несколько бесцеремонно вклиниться в самое ее начало. Кто-то из мужчин пытается возразить, но она лишь достает полицейский значок, и возмущения становятся тише.

– Добрый вечер, – Маргарита демонстрирует значок и женщине в окошке театральной кассы. – Детектив Стригатти, полиция. Позовите администратора.

Женщина смотрит на Марго как-то не то смущенно, не то испуганно и, попросив подождать, торопливо уходит со своего рабочего места куда-то во внутренние помещения.

– И всё-таки мне это как-то не нравится, – говорит запыхавшийся и несколько потрёпанный Майло. Его в отличие от Маргариты пропускали ещё менее охотно – один тип даже схватил за рукав плаща и едва не порвал. – Мне кажется, эти танцовщицы будут куда откровеннее с женщиной, чем с мужчиной.

– Не хочешь помогать – так и скажи. Сама справлюсь, – обиженно отвечает Маргарита. Она снимает с себя тренч и проводит рукой по шее. Ей и самой меньше всего сейчас хочется быть здесь, но долг требует.

«Одно радуется, – думается Маргарите. – Этого сивого подонка здесь нет...»

– Просто мне кажется, нам нужно разделить усилия, – смутившись, отвечает Райтен. – Пока ты опрашиваешь девочек, я могу поспрашивать у посетителей. Они тоже способны многое видеть.

– Отлично, – тяжело вздыхает Марго, понимая, что напарник чертовски прав. – Опроси. Но для этого тебе нужно попасть в зал, а значит, придется купить билет на представление.

– Куплю, – Майло берет напарницу за руку и крепко, но нежно сжимает. – Скажи, ты ведь не сильно обиделась?

Ответить Маргарита не успевает – к ним выходит пожилой коротышка лет шестидесяти, лысый, с аккуратной стриженной эспаньолкой.

– Томас Андерсон, администратор. Чем я могу вам помочь? – спрашивает он, отводя детективов немного в сторону.

– Мы из полиции, – Марго третий раз демонстрирует значок, подтверждающий ее полномочия, и понижает голос. – Нам известно, что Сара Уокер работала в вашем заведении. Нам необходимо опросить труппу.

– Мисс Уокер была уволена около месяца назад. Я не понимаю, чем мы можем быть полезны, детектив, – отзывается мистер Андерсон, не теряя приветливого вида.

– При всем уважении, это уже будет решать полиция, – в тон ему отвечает Марго. – Мне нужно допросить актрис, важна каждая зацепка.

Администратор медлит, нахмурившись, но Майло тоже подает голос:

– У вас есть дети, мистер Андерсон? Дочь? Племянница? Может, даже внучка? Вы не боитесь за родных женщин?

– Хорошо, – тяжело вздыхает управляющий. – Я лишь надеюсь, что хозяин не будет против. Мистер Вебер не сильно любит общаться с полицией.

Маргарита невольно вздрагивает, услышав знакомую фамилию, и удивлено косится на не менее изумленного Райтена. Они и не подозревали, что это заведение принадлежит их подозреваемому. Все будто бы начинает приобретать смысл – вот и покойная танцовщица оказалась связана с Вебером. В такие совпадения Марго не верит.

– Мы и не просим его общаться с полицией, – ведет плечом Маргарита и, быстро отдав верхнюю одежду молоденькой гардеробщице, поворачивается к Майло. – Сам дальше справишься?

– Да, – коротко кивает напарник и, бросив на нее озабоченный взгляд, растворяется в толпе мужчин.

– Тогда прошу за мной, детектив, – Андерсон делает приглашающий жест и, не дожидаясь, начинает протискиваться к неприметной двери, ведущей в служебные помещения. – Знаете, о покойниках так не говорят, но Сара была самой испорченной женщиной, которую я когда-либо знал, – обернувшись через плечо, говорит он, идущей следом Маргарите. – Я не удивлен, что с ней такое случилось.

– Настолько испорченной, что заслужила того, чтобы бросить ее связанной в воду дать утонуть? – выгибает Марго бровь, скептически глядя на администратора. Тот немного тушует и замолкает. Остаток пути по узким служебным коридорам они проводят в тяжелом молчании.

– Девочки, к вам гости! – распахивая дверь в гримёрку, громко объявляет мистер Андерсон. – Детектив... – он делает паузу, стараясь вспомнить фамилию Марго, но не может. – Расследует смерть Сары Уокер и хочет задать вам пару вопросов. Только быстро, девочки, выступления никто не отменял – мистер Вебер здесь!

Гвалт женских голосов замолкает, стоит Маргарите войти в просторную примерную комнату. На неё уставляется девятнадцать пар глаз. Смотрят с интересом, но больше – с настороженностью.

– Мне нужно задать вам несколько вопросов о Саре Уокер, – громко и отчётливо произносит Марго, чтобы все слышали. Возможно, кто-то из вас близко знал ее, общался лично и знает что-то, что может помочь расследованию.

– Как помогли расследованию те уволенные работники «Мефисто»? – громко интересуется высокая темнокожая женщина с заплетенными в афро-косички волосами, очень красивым скуластым лицом и пронзительным взглядом. Марго, скосив глаза, замечает на ее примерном столике свежий выпуск «Нью-Йорк Таймс».

– Без согласия мистера Вебера с вами никто разговаривать не будет! – поддакивает пышногрудая блондинка в расшитом бисером и пайетками костюме, сидящая к Маргарите ближе всех.

– Да! Верно! Идите к начальству! – поддерживает коллегу другая девушка, азиатского происхождения. – Если он разрешит – поговорим!

Меньше всего на свете Маргарита сейчас хочет говорить с Вебером. Ей вполне хватило и их утренней встречи в ресторане. К тому же после всего, что произошло, просить у него разрешения опросить работников – это слишком. Откажет же, да еще и как-нибудь унизит.

Марго демонстративно берет в руки свой блокнот с карандаш. Если не хотят по-хорошему, значит, будем по-плохому.

– Верно ли я сейчас поняла, что работодатель запугал вас и грозился уволить в случае, если вы согласитесь сотрудничать с полицией, милые леди? – провоцирует Маргарита, дружелюбно улыбаясь.

– Дорогуша, у тебя проблемы со слухом? – ласково интересуется афроамериканка, первой заговорившая с Марго. Поднявшись с места, она, грациозно покачивая бедрами, приближается к детективу. – Сначала говоришь с Вебером – потом с нами. Ясно, киса?

Стригатти каменеет от такой наглости и даже не замечает, как неаккуратным движением ломает пальцами карандаш.

– А ну ещё раз, – цедит Маргарита, вплотную подойдя к бурлеск-диве и смотря на нее снизу вверх, сверлит тяжёлым взглядом. – Давай, назови меня так ещё разок.

– Вы угрожаете моим сотрудникам, донна? – за спиной у Марго раздаётся хорошо знакомый ледяной голос. Скрестив руки на груди, на пороге гримёрной стоит Вебер, скептически наблюдающий за происходящим.

– Мне не нужно им угрожать, – усмехается Марго, оборачиваясь и выдерживая пронзительный взгляд льдистых глаз. – Они и без меня запуганы. Вами. Даже голос бояться подать без вашей команды.

– Значит, вам не нравится, когда вас называют «кисой», донна? – выразительно приподняв брови, уточняет Вебер, игнорируя ее замечание.

– Подобные фривольности позволительны моей матери, но никак не актрисулке, которая решила, что спровоцировать меня будет забавно, – отзывается Марго, переводя взгляд на танцовщицу. – У вас тоже есть имя, герр, и я сомневаюсь, что кто-то из них остался бы на рабочем месте после подобного обращения к вам.

– Не принимайте близко к сердцу, донна, – снисходительно отвечает Вебер и, нагнувшись к самому ее уху, едва слышно спрашивает:

– А как в постели вас зовёт муж?

Маргарита, шумно выпустив из носа воздух, отшатывается в сторону, и отходит на расстояние, исключающее возможность дать нахалу по наглой роже. А ведь хочется. Руки чешутся еще со вчерашнего или даже позавчерашнего дня.

– Спросите у него сами, герр, – отвечает она металлическим голосом.

– Я понимаю, забыли, – криво усмехается Вебер. – Дамы, – властным тоном обращается он к притихшим танцовщицам. – Ответьте на ее вопросы – донна очень настырная. Так выйдет быстрее. И не забывайте, начало шоу не должно задерживаться. Маргарита, – он переводит взгляд на Стригатти, – заканчивайте все побыстрее.

– Меня интересуют только те, кто поддерживал общение с мисс Уокер или слышал что-то подозрительное, – повернувшись к актрисам, начинает Маргарита. – Были ли у неё мужчины? С кем она общалась? С кем она ссорилась? Любые мелочи. Остальных я не задерживаю.

– Ну? – тянет Вебер, обводя неподвижных танцовщиц тяжёлым взглядом. – Руки сами поднимите, дамы, или мне Андерсона звать?

– Оставьте нас, герр, будьте так любезны, – вздыхает Марго, снова переводя взгляд на мужчину. – Я хочу поговорить с возможными свидетелями наедине. Тесным ЖЕНСКИМ кругом, так сказать.

– Хорошо, – пожимает плечами Вебер. – После разговора присоединитесь ко мне в зале? Они довольно неплохо танцуют, когда не ударяются в откровенную пошлость.

– Благодарю за столь щедрое предложение, но вынуждена отказать, – отзывается Марго, отворачиваясь. Уж чего-чего, а оставаться наедине с Карстеном Лукасом Вебером она точно не готова. Слишком легко ему удастся выводить ее из себя, неприятно задевать. От него она намерена держаться как можно дальше.

– Вы разбиваете мне сердце, донна. Неужели я всегда буду слышать лишь отказ? – напоследок интересуется Вебер, прежде чем скрыться, плотно притворив за собой дверь.

– Как я уже сказала ранее, – повторяет Марго, когда, наконец, остается с артистками наедине. – Меня интересуют только те девушки, которые имеют какое-то представление о

жизни погибшей, либо видели или слышали что-то подозрительное или странное. Кому есть чем поделиться, поднимите руки или сделайте шаг вперед.

– И на расстрел! – весело фыркает маленькая рыженькая танцовщица.

– Ладно уж, если Айсберг не против, – поднимает руку блондинка в расшитом костюме. – Я с ней неплохо общалась и Мэдисон тоже, – она кивком указывает на афроамериканку.

– Айсберг? – Марго, не удержавшись от усмешки, мотает головой. – Не буду спрашивать, не боитесь ли вы, что «Айсберг» узнает о своем прозвище, но выбор весьма странный. Я бы назвала его просто козлиной.

В гримёрке слышатся нервные короткие смешки. Некоторые девицы стараются скрыть смех за кашлем, но получается у них не сильно хорошо.

– Детка, на козлину он никак не тянет, – отходя от Маргариты подальше, заявляет Мэдисон. – Козлины в зале сидят, слюни пускают, а этот...

– Мы даже пари заключали, сумеет ли кто-то из нас его соблазнить, – весело блестя черными глазами, рассказывает азиатка, поправляя и без того идеальную причёску.

– Айсберг не трахает тех, с кем ведёт дела. Пора бы и тебе смириться, Киу, – фыркает Мэдисон.

Маргарита, пропустив сказанное мимо ушей, а трех девушек, которым пора выходить на сцену – к выходу, садится на освободившийся стул.

– Итак, диктофон я с собой не взяла, так что придется писать, – она поднимает с пола обломок карандаша и берет оставленный на столике блокнот. – Та, кому раньше выходить на сцену, пусть подходит.

– Ты его клеила, детка? – не унимаясь, интересуется Мэдисон и садится на край гримерного столика, закинув одну стройную ножку на другую.

– Он меня клеил, – вздыхая, возражает Марго, видя, как у танцовщиц загораются от любопытства глаза. – А когда я его отшила, сразу клеил погибшую недавно миссис Кларк, – Только ему не разболтайте, он меня не помнит, и меня это полностью устраивает, – просит она, понимая, что в таком обществе вряд ли получится хоть что-то сохранить втайне.

– Не помнит ли? – недоверчиво спрашивает Мэдисон. – То-то он с тебя глаз не сводил и даже разрешил поиграть в детектива...

– У Сары были родственники? – спрашивает Маргарита, игнорируя замечание. – Насколько мне известно, тело не было востребовано из морга. Ее опознали только из-за того, что ее лицо было на всех афишах.

– Нет, насколько помню, – нахмутив хорошенький лобик, отзывается Мэдисон. – В Нью-Йорке у нее из родни вроде никого не было.

– Сара из Техаса приехала, – вмешивается блондинка. – Сбежала от «любимого» папаши – она так мужа называла. Он лет на сорок ее старше.

– Весело... – бубнит Марго, делая пометку в блокноте. – Этот ее муж жив, есть его данные? Имя, что-нибудь?

– Кажется, жив. Он там с детьми на ферме. Имени не знаю, – пожимает плечами блондинка. – А фамилия, наверное, Уокер.

– А в Нью-Йорке Сара общалась еще с кем-то? – окидывая танцовщиц внимательным взглядом, спрашивает Маргарита.

– Кто знает, – пожимает плечами Мэдисон. Взяв из небольшого портсигара сигарету, она с наслаждением закуривает.

– У нее были клиенты, – хихикает Киу.

– Киу! – обрывает ее Мэдисон.

– Так, а это уже интереснее, – оживляется Маргарита. – Не было ли такого, что она в последнее время ссорилась с кем-то из своих... «поклонников»? Или вообще с кем угодно?

– Ну до тех пор, пока мы ее знали – только с Айсбергом, когда он ее увольнял, – отвечает блондинка, заслуживая убийственный взгляд Мэдисон. – Идиотка додумалась искать себе клиентов прямо здесь.

– И почему же я не удивлена?.. – бормочет себе под нос Марго, делая еще одну пометку. – Подробнее, пожалуйста.

– Киу, тебе на сцену, – холодно распоряжается Мэдисон. – Да нечего там рассказывать, – выдыхая тонкую струйку дыма, говорит она, провожая девушку глазами. – Сара повела себя как последняя идиотка и потеряла работу. У нас здесь строгие правила, детка. Мы актрисы, а не проститутки.

– Значит, искала клиентов в стенах театра? И мистеру Веберу это не понравилось? – задумчиво уточняет Марго, отложив карандаш.

– Да, – отвечает Мэдисон и за ее спиной кивают несколько танцовщиц. – А что тебя удивляет?

– Не удивляет. Просто уточняю, – вздыхает Маргарита. – Звучали ли в ходе ее увольнения какие-то угрозы? От неё или от него?

– Нет, вроде, – пожимает плечами Мэдисон.

– Мистер Вебер пообещал, что Сара больше никогда не найдет в Нью-Йорке приличной работы, – подаёт голос кто-то из девушек, но Марго не успевает заметить кто именно.

– Послушайте, – Маргарита откладывает блокнот в сторону и устало трёт глаза. – Я все понимаю. Я вижу, Мэдисон, вы пытаетесь как-то защититься, заступиться за начальство, но поймите, мне нужна абсолютная откровенность. Умирают женщины. Такие же как вы, я, и любая другая в этой комнате. Умирают в страшных муках. Я хочу поймать убийцу и прекратить эти зверства. Но для этого мне нужна помощь. Всех вас.

– Детка, как ты выразилась, наше начальство здесь ни при чем, – елейно отзывается Мэдисон, затушив наполовину скуренную сигарету. Она грациозно поднимается и идет к выходу из гримёрки. – Он ее уволил и сделал правильно. Из-за таких, как Сара, нас считают потаскухами.

Марго дожидается, пока танцовщица не скроется в коридоре, и снова оборачивается к оставшимся девушкам.

– Есть что-то еще, о чем мне стоит знать?

Ответом ей служит молчание и тихий шёпот. Маргарита тяжело вздыхает. Они либо слишком преданы Веберу, либо слишком его боятся. Впрочем, скорее всего, и то, и другое.

– Я буду здесь до окончания первого акта. Если кто-то что-то надумает рассказать – жду у входа.

Танцовщицы напряжённо смотрят, как Маргарита, убрав блокнот и обломок карандаша, поднимается и уходит. Стоит двери гримёрки закрыться, как тут же раздаётся гул голосов, возбуждено обсуждающих произошедшее. После визита полиции новостей в театре будет хоть отбавляй.

Выйдя из здания со служебного входа, Маргарита закуривает и смотрит на наручные часы, подсчитывая, сколько примерно ждать напарника. Вышло еще довольно прилично, и она начинает размышлять о том, что можно еще попытаться опросить персонал.

«Возможно, уборщики что-нибудь видели или слышали...»

Краем глаза Марго замечает, как открывается дверь служебного входа и на улицу выходит чёртов Вебер.

«Принесла же нелегкая! И почему, вот спрашивается, он не может просто оставить меня в покое? Кровавый чертов!»

– Не надо на меня так удивленно смотреть, – хмыкает Вебер, бесшумно приближаясь. – Я увидел, как вы выходите.

– И решили, что день без того, чтобы попортить мне кровь – не день? – щурит глаза Маргарита, глубоко затянувшись. Вебер вытаскивает из пиджака золотой портсигар и начинает шарить по карманам в поисках зажигалки. Немного понаблюдав за этим, Марго протягивает ему собственную.

– Благодарю, – закуривая, говорит Вебер, игнорируя замечание, и возвращает «zipro» владелице. – Узнали что-нибудь стоящее?

– Пока не знаю, вопросов меньше не становится. Надо переварить все это... – Маргарита прикусывает язык, чтобы не выдать лишнего. Сама же думает о том, что нужно сделать запрос в Техас, узнать про мистера Уокера, и все же опросить персонал, когда Вебер оставит ее в покое. Не при нем. Точно не при нем.

– А ко мне вопросов нет? – удивлённо приподнимает брови Вебер, искоса глядя на детектива. Пожалуй, с каждой новой встречей эта маленькая, хрупкая женщина нравится ему все больше и больше. – Она все же была моей сотрудницей, и я ее лично уволил.

– Ваши танцовщицы немногословны, но в общих чертах пояснили мне, что произошло. Мэдисон им рта раскрыть не давала, – хмыкает Марго, выдыхая дым через нос. – Вас все защищала. Я не сказать, что очень сильно надеюсь на вашу откровенность, герр, но валяйте.

– Мэдисон – умная женщина, – кивает Вебер, задумавшись. – Ей не идёт эта профессия, но лучше, чем здесь, ей нигде не заплатят.

– А миссис Уокер было мало, раз она стала искать «подработку» на стороне? – интересуется Маргарита, задумчиво глядя на собравшиеся в небе тучи.

– Все мои сотрудники получают очень хорошие деньги – так я могу рассчитывать на преданность и безропотное подчинение. Однако, как вы знаете, донна, гнилые фрукты могут встретиться в любой корзине, – жёстко отвечает Вебер, делая глубокую затяжку. – Некоторым всегда мало. Впрочем, возможно, ей было мало не денег.

– Вы сейчас прозвучали несколько по-ханжески, – замечает Марго, сбрасывая пепел с сигареты. – Но я поняла, что вы уволили Сару Уокер за то, что она перестала делить работу с подработкой.

– В чем же мое ханжество, донна? – интересуется собеседник, поворачиваясь к Маргарите. – Да, я часто меняю женщин – они мне быстро надоедают, но я никогда не создаю гарем. У меня никогда не было двух или больше любовниц сразу.

– Крайне ценная информация, но мы говорим не о вас, а об убитой, – отзывается Марго, отойдя под навес – с неба начинает накрапывать дождь. – Среди ее «гарема» был кто-то странный? Подозрительный? Возможно, вы что-то слышали?

– Я не опускаюсь до уровня подобных сплетен, – Вебер, не двигаясь с места, запрокидывает вверх голову и прикрывает глаза, чувствуя, как на лицо капая холодные капли. – Я видел своими глазами, что она творила во время выступления, стараясь найти клиента. У меня не публичный дом.

– Можете сколько угодно считать себя выше всей этой «земной суеты», мистер Вебер, вот только порой и случайно подслушанный разговор может спасти чью-то жизнь. Вашу – в том числе, между прочим, – Марго тушит сигарету об урну и выбрасывает, прежде чем вернуться и зайти в здание.

«Невыносимый человек. Вроде бы ничего такого хамского в этот раз и не сказал, а все равно вывел. Вот неужели он таким был с самого детства?»

– Мисс, можно вас? – раздаётся неуверенный оклик.

Маргарита, идущая по ярко-освещенному коридору, останавливается и оборачивается. Одна из дверей приоткрыта и оттуда как-то очень неуверенно выглядывает совсем молоденькая девушка лет шестнадцати. Не больше.

Оглянувшись по сторонам ещё раз, и убедившись, что никого вокруг нет, Марго скорым шагом направляется к приоткрывшейся двери и заходит внутрь крошечной комнаты, в которую ее позвали.

При ближайшем рассмотрении, девчушка и правду оказывается совсем юная – возможно, даже ещё школьница. Благо, не в халате поверх костюма, как те женщины, с которыми она говорила до этого. Маргарита узнает в ней виденную недавно маленькую гардеробщицу и выдыхает, обрадованная, что этот ребёнок оказался в таком месте не в качестве актрисы для развлечения мужчин.

– Я слышала, вы собираете информацию о Саре Уокер, – подаёт нерешительно голос девчушка, нервно заправляя за ухо выбившуюся темную прядь волос.

– Как тебя зовут?

– Элис Спрингер, – с готовностью представляется маленькая гардеробщица.

– Верно, Элис, я расследую смерть Сары, – кивает Марго, ободряюще улыбаясь. – Ты ее хорошо знала?

– Не очень, – признаётся девушка, поправляя на остреньком носу маленькие очки. – Она здесь особо ни с кем не сближалась, была... немного высокомерна, но Сара не была злой. Она даже давала мне уроки танцев...

– Надеюсь, не таких, которые они сейчас исполняют на сцене, – вздыхает Маргарита, изогнув бровь. Элис тушуетесь, заливаясь краской.

– Н-нет. Бальных...

– Меня тоже им учили. Правда, я их так и не полюбила, – признаётся Марго, стараясь расположить собеседницу к себе. – А тебе нравится танцевать?

– Да, – с готовностью кивает Элис и глаза у нее загораются от восторга. – Очень. Но сейчас нужно больше времени уделять учёбе. Мистер Вебер обещал дать рекомендации, чтобы меня приняли на бюджетное место в колледже, если я продолжу упорно зани...

– Вебер? – перебивает ее Марго. – Ты... учишься в той частной школе, которая открыла двери для цветного населения?

– Да, у нас есть несколько таких ребят, – широко улыбается Элис, продолжая с энтузиазмом рассказывать. – Мама меня давно устроила туда учиться, хотя это и дорого. Знаете, когда мистер Вебер узнал, что она воспитывает меня одна, он предложил мне здесь подрабатывать после школы, а взамен взял на себя все расходы за обучение.

Маргарита невольно напрягается, глядя в веселое открытое лицо маленькой гардеробщицы. Она слишком долго работает в полиции, чтобы верить в подобного рода добродетель.

– Элис, он тебя... не обижает? – наконец осторожно спрашивает Маргарита после долгого подбора подходящего слова. Ей слабо верится, что Вебер способен кому-то помогать, не преследуя при этом своих интересов.

– Обижает? – озадаченно переспрашивает Элис, хлопая глазами. – Нет. Он требовательный, конечно, но никогда не обижает.

Марго облегченно выдыхает. Если бы тому, о чем она подумала, было место, девчушка бы точно поняла ее вопрос и если бы и не ответила прямо, то точно бы смутилась.

– Хорошо, Элис. Чем ты хотела со мной поделиться?

– Сара приходила сюда через неделю после увольнения, – понизив голос, сообщает Элис, и ее серые, будто грозовое небо глаза, азартно сверкают. – Мистер Вебер всегда приходит с инспекцией по средам, и она пришла. Я ее у служебного входа видела, когда шла на работу. Сара хотела вернуться назад – она же потрясающая танцовщица.

– Та-а-ак, – подается ближе Марго. – То есть, три недели назад. Буквально незадолго до убийства. Они поговорили?

– Я понимаю, подслушивать не хорошо, но... – Элис, краснеет и смущено опускает глаза.

– Нехорошо, – соглашается Марго, кивнув. – Но как я буквально недавно сказала мистру Веберу, иногда случайно подслушанный разговор может спасти чью-то жизнь. Что ты слышала?

– Когда мистер Вебер подъехал, Сара бросилась к нему, а он... оттолкнул ее со своей дороги и велел водителю, избавиться от нее. Чтоб больше ее духу рядом с заведением не было.

– Кто-то ещё, кроме тебя это видел? Сам Вебер знает, что ты это увидела?

– Не знаю, – пожимает плечами Элис. – Он был зол. А когда человек зол, он ничего не замечает.

Марго тяжело вздыхает, не зная, как ей быть с такой информацией. Она не может вызвать на допрос ни Карстена, ни его водителя – сразу появится интерес к источнику информации, а Вебер – она уверена – умеет находить болтунов, если требуется. Маргарите остаётся лишь иметь полученную информацию в виду.

– Я поняла тебя, Элис. Спасибо, – Марго уже берется за дверную ручку, намереваясь уйти, но ее останавливает полный тоски вздох девушки.

– Наверное, ее поклонник сейчас очень грустит.

– Какой поклонник? – насторожившись, уточняет Маргарита. – Я всех спрашиваю, был ли кто-то странный среди ее знакомых, а люди как в рот воды набрали. Что за поклонник?

– Ну я его не видела. Он ей цветы посылал. Скромные такие, и пахли они сильно. Сара все кривилась, говорила, что легавым, видимо, платят совсем мало, раз на другое не хватает. Ой!.. – Элис осекается и, сильно покраснев, потупляет взгляд. – Простите, я забылась...

– Ничего, – задумчиво произносит Марго. – Значит, говоришь, у неё был поклонник из полиции? А имени не вспомнишь? Долго он цветы слал?

Она не знает, что делать с этой информацией, но над этим, определенно, стоит подумать. В полиции Нью-Йорка служит несколько тысяч мужчин, и чуть ли не каждый из них мог быть поклонником знаменитой бурлеск-дивы, тут и к гадалке не ходи.

– Не знаю. Сара, кажется, сама не была уверена – полицейский он или пожарный, – задумчиво почесав затылок, а потом кончик остренького носа, отвечает Элис. – Он подписывался «З» – один раз я видела карточку. А букеты были раза четыре, кажется.

««З»? Имя? Фамилия? Как бы на него выйти, поговорить, подери...»

– Ты не знаешь, в каких они были отношениях? Ссорились? – интересуется Маргарита. Надо бы сделать пометки в блокноте, но она просто боится этим спугнуть свою маленькую осведомительницу.

– Он был поклонник, – уверенно повторяет Элис, словно этим все должно быть сказано.

– Ясно, – вздыхает Марго и, достав из сумочки блокнот и карандаш, вырывает лист, на котором пишет несколько цифр. – Это мои рабочий и домашний номера. Обычно часам к одиннадцати вечера я уже бываю дома. Если вдруг что-то вспомнишь, любую мелочь, какой бы незначительной тебе она не казалась – звони, – она протягивает листок девушке. – Это может помочь найти убийцу Сары.

– Обязательно, мисс, – обещает Элис, пряча бумажку в карман униформы. – Вы только, пожалуйста, не подумайте ничего плохого на мистера Вебера. Он, правда, хороший человек, хоть и требовательный.

– Я делаю выводы о нем исходя исключительно из того, что он мне демонстрирует, – поясняет Маргарита, подавляя вздох. – Я не могу сказать, что то, что я вижу, меня радует, но его поступок в отношении тебя заслуживает уважения, – она снова берётся за дверную ручку, но на этот раз уже открывает дверь и покидает каморку.

Марго бросает быстрый взгляд на часы, купленные ею в Швейцарии в медовый месяц, и понимает, что разговор с Элис занял куда больше времени, чем она рассчитывала, и ей вряд ли удастся допросить кого-то ещё. Впрочем, девочка оказалась просто кладезем полезной информации.

«Умная, наблюдательная – не удивительно, что Вебер ее так ценит. Впрочем, нет. Удивительно.»

Вернувшись в фойе, Марго опускается на диванчик неподалёку от выхода и начинает ждать антракта, погружённая в свои мысли. Мыслей много, и все они разрывают черепную коробку на части, да еще и спать хочется невероятно. Где-то снаружи гремит гром.

– У вас совершенно измученный вид, донна. Выпейте, – Марго вскидывает голову и в упор смотрит на стоящего рядом с диваном Вебера, протягивающего чашку с дурманяще вкусно пахнущим кофе.

– Вы меня преследуете? – прищурившись, спрашивает она.

– И в мыслях не было, – криво усмехается Вебер, даже не стараясь придать физиономии более невинный вид. Впрочем, это бы у него все равно не получилось.

С трудом уняв разыгравшуюся память и ощущение дежавю, Маргарита принимает из его рук аккуратную, маленькую кофейную чашечку.

– Спасибо.

Марго перебарывает желание провести указательным пальцем по кайме, надеясь, что Вебер не заметил вовремя остановленной руки. Успокоив себя мыслью о том, что он не станет травить ее на своём рабочем месте при свидетелях, она делает небольшой глоток.

– Если вы думаете о всяких глупостях, донна, заверяю вас – Уокер не была моей любовницей.

– Не сомневаюсь, – отзывается Маргарита, сдвинувшись чуть в сторону, чтобы позволить ему присесть, что Вебер и делает. – Если бы была – я бы уже об этом знала, – она делает ещё один неторопливый глоток крепкого кофе, прикрыв глаза.

«Мисс Джонс тоже не была. Однако обе они знали вас, и обе они мертвы. Одна погибла почти сразу после скандала по поводу чернокожего любовника, вторая – после увольнения...» – размышляет Маргарита, подняв на Карстена испытующий взгляд.

– Спрашивайте, – устало разрешает Вебер. – Вы сейчас меня взглядом прожжёте.

– Вашу бы стоворчивость и готовность отвечать на вопросы – да на допрос, – ворчит Маргарита, опустив взгляд в чашку. – Я могла бы спросить, где вы были в ночи убийств миссис Уокер и мисс Джонс, но вы, разумеется, скажете, что были дома с мисс Бланш, а она, разумеется, это подтвердит.

– Я просто терпеть не могу, когда от меня что-то требуют, всегда стараюсь сделать все по-своему, – откинувшись на спинку диванчика, отвечает Вебер, поглядывая на Марго из-под полуопущенных длинных, словно у женщины, ресниц. – Я, честно говоря, не помню, что делал. Скорее всего, был дома. Мисс Бланш у меня не живёт, поэтому вряд ли подтвердит – мы не слишком часто встречаемся. Хотя, да. Вспомнил. Во время скандала с Джонс я был в отъезде по делам.

– Скандал и ночь убийства – разные временные промежутки, – возражает Маргарита, внимательно слушая внезапное откровение и недоумевая, как так вышло, что еще утром она была готова перегрызть ему глотку, а теперь они сидят рядом и почти мирно беседуют. – Ее убили через четыре дня после того, как выяснились столь... пикантные подробности ее личной жизни. Или вы ходите сказать, что все это время отсутствовали в городе?

– Да нет. Я ездил на три дня. Нужно было кое-что уладить, – лениво отвечает Вебер. – Джонс была очень хорошей учительницей, любящей свою работу. Ее смерть – потеря для школы.

– И надо полагать, вы были совершенно не против ее предпочтений в плане мужчин, когда всплыли те фотоснимки. Неужели вы, в самом деле, были готовы встать на ее защиту перед толпой недовольных родителей? – Марго впивается взглядом в совершенно спокойное лицо Карстена, ожидая ответа.

– В моей школе учатся разные дети. Разных этносов и цвета кожи. Предпочтения учителей – их личное дело. Джонс никого не развращала, не совращала и не была потаскухой, – жёстко отвечает Вебер, сжимая в кулаки руки в бежевых перчатках. – Американцам не мешает напомнить, к чему приводит идеология, при которой одних людей считают выше других. Война закончилась всего десять лет назад, а ее урок так и не усвоен.

«Звучит красиво, но так ли он считает на самом деле...»

– Кто-то незаинтересованный может подтвердить ваше алиби на ночи убийств миссис Уокер и мисс Джонс? – выдыхает она, сделав последний глоток. Хочется спросить и про сцену с увольнением, но Марго заставляет себя молчать.

– Это вряд ли. Никогда не задумывался о таких вещах.

«Сам роет себе могилу...» – устало думает Маргарита, вглядываясь в кофейную гущу на дне чашки.

«Ты что, его оправдываешь?!» – звучит вдруг внутренний голос. Марго осекается, чуть трясёт головой, словно бы пытаясь согнать морок и странные мысли, отчего копна темных кудрей забавно дергается, следуя за ее лицом.

– У меня есть ещё один вопрос, мистер Вебер, – тихо говорит Маргарита. – Достаточно важный, но я прекрасно понимаю, что если его задам, то отвечать без раскрытия имени информатора вы откажетесь. Если я его назову, вы можете дать мне слово, что наш разговор никак не повлияет и не отразится на этом человеке и вашем к нему отношении, и все не выйдет так, как с сотрудниками ресторана?

– Донна, я дал разрешение ВСЕМ сотрудникам театра разговаривать сегодня с вами, – лениво улыбается Вебер и машинально потянувшись, убирает с лица молодой женщины выбившуюся прядь. – Здесь совершенно другой случай. Не как в «Мефисто». Если хотите, можете не открывать имени.

У Маргариты уходит пара мгновений, чтобы «отмереть» от столь неожиданного жеста. Она, чуть заметно вздрогнув, отворачивается, с шумом поставив чашку на блюдце.

– Что вы имели в виду, когда сказали своему водителю избавиться от Сары Уокер за несколько часов до ее гибели?

– То и значит, – пристально глядя на Марго, отвечает Вебер. – Я понимаю, кто вам это рассказал. Элис умная, наблюдательная девочка, но фантазия у нее слишком живая – сама не поняла, что увидела. Я велел убрать Уокер от театра, чтоб не путалась под ногами. Все вопросы мы с ней решили за неделю до этого. Я никогда никому не даю второго шанса.

– И все бы ничего, но на следующее утро ее труп выловили из Ист-Ривер, – поджимает губы Маргарита. – Очень неприятное совпадение. Дайте угадаю – он высадил ее где-нибудь на соседней улице и отпустил с миром?

– Я понятия не имею, что он с ней сделал и где высадил. Мой водитель умеет убеждать, – пожимает плечами Вебер. – Но ни я, ни он ее не убивали. Топить женщин, даже самых надоедливых – не мой стиль.

– Мне надо с ним поговорить, – произносит Маргарита, поднимая на собеседника взгляд. – Задать пару вопросов.

– Идёмте, – резко поднявшись, велит Вебер, протягивая руку.

«Больно он сговорчив...» – с подозрением думает Марго, отставив чашку в сторону и приняв протянутую ладонь. Ее немного напрягает, что рядом нет Майло – в его присутствии ей все же было бы спокойнее, но выбирать не приходится. Герр в любой момент может передумать.

Вебер, крепче сжимает хрупкую ладонь, помогая подняться, а потом устраивает руку Маргариты у себя на сгибе локтя, не позволяя вырваться.

– Воспользуемся кабинетом Андерсона.

– Когда вам надо, вы становитесь прямо-таки джентльменом, – сухо замечает Марго, подстраиваясь под его шаг. Они сворачивают с главного холла к двери, ведущей в более узкий коридор.

– Когда вам надо, вы можете вести себя как женщина, – в тон ей отзывается Вебер и открывает дверь с серебряной табличкой. В кабинете оказывается пусто – вероятно Андерсон где-то занимается своими прямыми обязанностями или смотрит окончание первого акта. – Садитесь, донна, – распоряжается Вебер, кивком указав на кресло и, подойдя к столу, снимает телефонную трубку. – У моего водителя сегодня выходной. Я попробую дозвониться.

Марго опускается в кресло и закидывает ногу на ногу, наблюдая за тем, как длинные облачённые в тонкую кожаную перчатку пальцы крутят телефонный диск, затем переводит задумчивый взгляд на его лицо – все такое же непроницаемо-бесстрастное.

– Линч? Прекрасно, – отвечает Вебер, почти незаметно вздыхая, вслушиваясь в ответ. – Нет, я сегодня обойдусь без тебя. Мне нужно другое. Я сейчас дам трубку одной женщине, и она задаст тебе несколько вопросов. Ответь, – распоряжается он, предавая трубку Маргарите.

Тихо вздохнув, Марго прикладывает трубку к уху:

– Здравствуйте. Говорит детектив Стригатти. Как к вам обращаться?

– Фергас Линч, – раздаётся низкий, вибрирующий бас. – Лучше просто Линч.

– Хорошо, мистер Линч, расскажите о последней встрече мистера Вебера и мисс Уокер.

– Уокер – это которая? – басит невидимый собеседник.

Марго бросает на Карстена весьма красноречивый взгляд и закатывает глаза.

– Актриса, которую мистер Вебер уволил чуть больше месяца назад, – уточняет она.

– А!.. Та потаскушка! – понимающе тянет Линч, и Марго готова поклясться, что это сопровождается активным киванием головой. – Помню. Она у него под ногами путалась, вот шеф и велел от нее избавиться.

– И каким образом вы от неё избавлялись? – напрягается Маргарита, сжав трубку с такой силой, что белеют костяшки пальцев.

– Ну, знамо как, – хмыкает Линч. – Закинул ее в машину, эта дура ещё царапалась, как кошка дранная, и отвёз на сорок вторую Стрит Вест – там ей самое место. Она же работать хотела – вот пусть работает там, а у шефа заведение приличное.

– Вы ее там высадили? – Марго прикрывает глаза, вспоминая улицы. – Живую и невредимую? И где именно?

– Да живую-живую. Какую же ещё? – удивляется Линч. – Да рядом с ее «коллегами» и высадил. Как раз к началу «смены».

Маргарита перебирает в голове точки, на которых можно встретить женщин, занимающихся сомнительной деятельностью.

«Нужно съездить туда с Майло!» – решает она.

– После этого Вы уехали оттуда и больше не видели мисс Уокер?

– Я не пользуюсь услугами подобных... – Линч грязно выругивается. – Это все, детектив?

– Да, мистер Линч, на этом все, – отвечает Маргарита, вздохнув. – Хорошего вечера, – она, молча, протягивает трубку Веберу.

Появилась новая ниточка, способная привести ее к убийце, и Маргарита не собирается выпускать ее из рук. Остается только решить, сегодня съездить в указанное место, или дождаться завтрашнего дня.

– Прояснилось? – опустив трубку на рычаг, интересуется сидящий на краю стола Вебер.

– Частично, – коротко кивает Марго, встав с кресла. – Теперь появилась хоть какая-то зацепка, нужно съездить по адресу. И спасибо за кофе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.